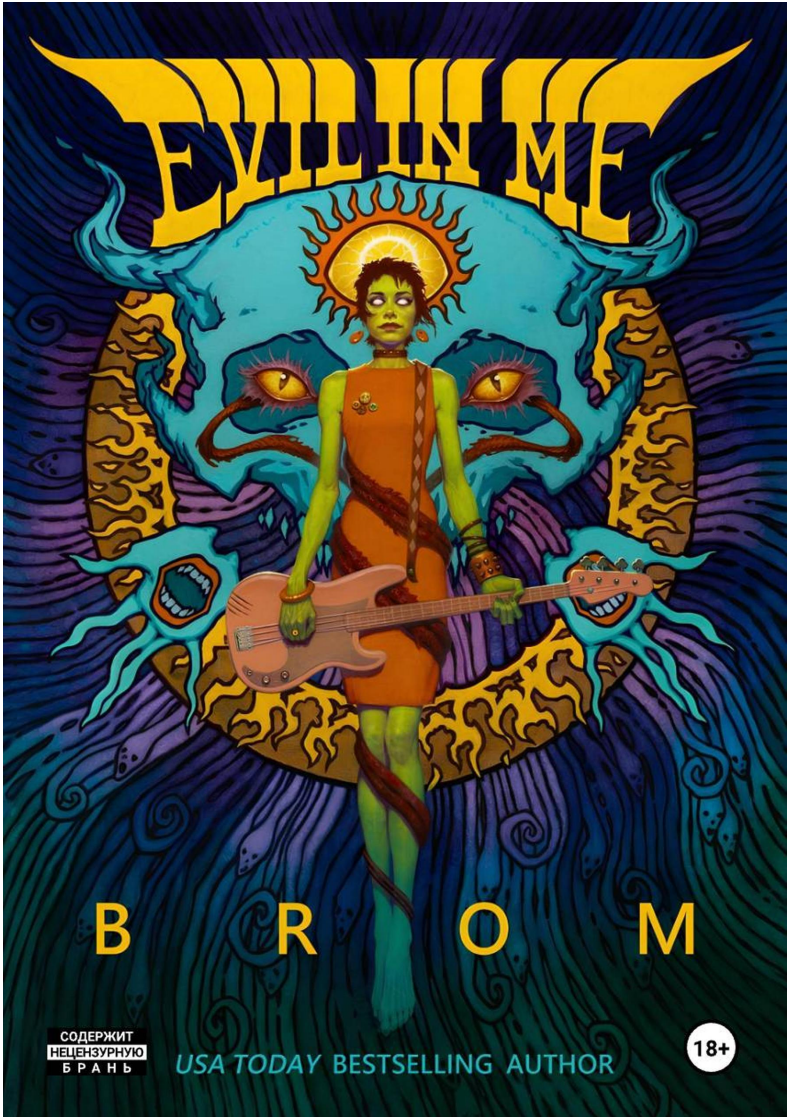
EVIL IN ME
B R O M
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
USA TODAY BESTSELLING AUTHOR
18+

Ден Алекс
Джеральд Бром – «Зло во мне»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73092718
SelfPub; 2026

Аннотация

Первый в России перевод нового романа Джеральда Брома "Зло во мне" – автора бестселлеров о одержимости, проклятии и рок-н-ролле, в котором одна женщина должна заставить весь мир петь, чтобы спасти свою душу.

Эта дьявольская история включает в себя почти два десятка иммерсивных картин Брома и великолепные форзацы

Начинающей музыкантше Руби Такер надоел её маленький провинциальный городок и неблагополучная семья. Но ссора с лучшей подругой и коллегой по группе разрушила её мечты о побеге и славе на панк-сцене Атланты.

Когда она помогает своему эксцентричному соседу приводить в порядок его религиозные артефакты, на её палец надевается древнее кольцо, и в неё вселяется дух кровожадного демона. Его невозможно изгнать, пока сотни людей не прочтут заклинание, чтобы освободить Руби. И что ещё хуже, кольцо – это маяк для зла, который притягивает к Руби невообразимо жестокую толпу, жаждущую её плоти.

Ден Алекс Джераль Бром – "Зло во мне"

Оглавление
ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор и издатель предоставили вам эту электронную книгу без использования системы цифровых прав (DRM), чтобы вы могли наслаждаться чтением на своих личных устройствах. Эта электронная книга предназначена только для вашего личного использования. Вам запрещается распечатывать или размещать эту электронную книгу, а также каким-либо образом делать её общедоступной. Вам запрещается копировать, воспроизводить или загружать эту электронную книгу, за исключением чтения на одном из ваших личных устройств.

1951-Й БРУКЛИН, НЬЮ-ЙОРК

Адам окинул улицу взглядом – вверх и вниз – и понял, что теперь она принадлежит только ему. Магазины были закрыты, тротуары пусты, фонари жужжали над головой, словно дремлющие жуки в черепе мира. Он сжал зубы, когда ржавый «Бьюик» с пробитым глушителем глухо прорычал мимо, и поставил чемодан на тротуар. Тяжесть отдавалась в руках – четыре бутылки бензина внутри словно тянули его к земле. Никогда прежде он не делал коктейль Молотова, но идея казалась простой – топливо, тряпка, огонь. Однако едкий запах бензина заставил Адама сомневаться: правильно ли он всё сделал?

– Пора заставить его заплатить, – прошептал другой голос, мягко и зловеще. – Пусть платят все.

Сердце Адама забилось быстрее, голова заколотила, словно в мозгу извивались черви. Он слышал их стоны, чувствовал, как они сползали к сердцу и животу. Живот закипал, жар разливался по телу, пот стекал по лбу и спине, подмышки горели.

Он отрыгнул, и горячий воздух обернулся паром в холодной ночи, затем рвота жгла горло огнём.

Что-то ледяное ударило его в лицо. Моргнув, он заметил – снежинка. Ещё одна, ещё… снег.

– Чт… что за хрень? – прохрипел Адам, глядя в ночное небо. – Снег? – он сорвал галстук, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. – Чёрт возьми, слишком жарко, чтобы снег валил! – но понимал: это не важно. Жар и черви внутри него, его ненависть, кипят в крови.

Он сорвал с себя пиджак, бросил на землю, порвал рубашку и сорвал её с себя. Должно было прийти облегчение – идёт снег, мать его, – но пот продолжал стекать, прилипая к груди. Мокрая футболка плотно обтягивала тело, он сорвал её через голову и швырнул в кусты, но жара не уходила. Он снял жёсткие кожаные туфли, пнул их вдоль тротуара.

– Блядь, ненавижу эти чертовы туфли! – прорычал он.

Черви внутри него шевелились, подпитывая его ярость.

Он задыхался, губы дрожали, струйка слюны стекала по подбородку. Он просто хотел снять с себя всё, хоть что-то, чтобы охладиться. Расстегнул ремень, потянул брюки – и остановился.

– Что я делаю? – шептал Адам. – Нельзя просто так снять штаны посреди города.

– Можно, – шептал другой. – Пора делать то, чего хочешь. Отпусти себя.

– Нет, – сказал Адам, – не могу.

Но черви пели, сладким и ужасным хором, и вдруг всё, что говорил другой, обрело смысл. Он снял штаны и трусы, бросил их в куст, вздохнул, и холодная ночь ласково омыла его обнажённое тело. Лихорадка осталась, но превратилась в странное удовольствие. Адам дрожал, кожа покрывалась мурашками, и он рассмеялся, глядя на себя. В его глазах вспыхнула искра – не отражение, а собственное внутреннее пламя.

– Идём, Адам, – шептал другой голос. – Работа ждёт.

Он кивнул, поднял чемодан и заметил разные носки – один в ромбах, другой тёмно-зелёный. Кривляние перешло в победную ухмылку.

– Да кому какое дело? – хохотал он, шевеля пальцами ног. – Пошли все к черту!

…

Адам подошёл к дверям синагоги. Мезуза свисала рядом, деревянная и тихая. Он сорвал её и вставил между дверными ручками, эффективно заблокировав дверь. Потом направился к заднему входу, к зданию, чей противопожарный код

не обновлялся больше шестидесяти лет. Там он поставил чемодан рядом с маленьким мусорным баком.

– Любишь смотреть, как всё горит, Адам? – шептал другой голос.

– Конечно, кто не любит? – буркнул он.

Он перекатил бак, закрыв заднюю дверь, и открыл чемодан. Запах бензина бил в нос, глаза слезились. Вынул длинный кухонный нож, убрал его в сторону, достал четыре бутылки с топливом, каждая была заткнута тряпкой. Достал коробок спичек, зажёг одну и завороженно смотрел на пламя, отражавшееся в его глазах.

– Давай! – подталкивал другой.

Адам коснулся спичкой первой тряпки, как вдруг на втором этаже загорелся свет. Он увидел силуэт, перекатывающийся за занавеской. Это был раввин Рубен. Адам узнал его с первого взгляда, его сутулое, старческое тело, привычку работать допоздна. И в этот момент его охватило странное чувство – не ненависть, не ярость, а тихая, почти нереальная любовь.

– Нет! – шептал другой, но его голос был далёким, слабым.

Черви в голове стихли, их песнь почти исчезла.

Адам замер, наблюдая раввина. Он вспомнил все добрые дела: как тот поддерживал его, как говорил о помощи, как заботился о его семье. Воспоминания и любовь нахлынули. Кольцо на пальце ожило, шевелилось, кололо его плоть. Он взял нож, прижал к пальцу, но удержался.

Затем пламя вспыхнуло – бутылки с бензином взмыли в воздух, ударившись о стены синагоги. Ярость и ненависть слились в один дикий поток, глаза Адама загорались, черви пели, его тело дрожало от напряжения.

Он видел раввина, слышал его крики, пытался вмешаться, но чувства смешались: любовь, страх, ярость, желание уничтожить и одновременно спасти.

Снежные хлопья ложились на тело, кровь смешивалась со снегом. Всё вокруг горело, мир был разрушен, но в этом хаосе Адам нашёл странную гармонию – черви замолчали, голос другого исчез. Он остался один, обнажённый, с кольцом на пальце, стоя посреди горящей синагоги, память и воспоминания о жизни и семье кипели в его голове.

…

В этот момент на тротуар выбежала миссис Розенфельд, жена раввина, старая, но быстрая. Адам, в своих разноцветных носках, догнал её, но тут внутри снова шептал голос – убивать нужно, но осторожно, наслаждаясь моментом. Он срезал ножом её горло. Кровь смешалась со снегом, вспыхнув красным на белом, её крик был ужасен и одновременно магически нереален.

Он схватил раввина, его пиджак горел, кожа плавилась. Крики, удары, борьба. Адам бил коленом, ножом, глаза горели диким светом, черви пели. Наконец, он прошёл ножом через глаза раввина, ощущая внутреннюю эйфорию.

Он смеялся, истекающий кровью, с кольцом на пальце, нож в руках. Но затем мир стал тихим – черви замолчали, голос исчез. Он сидел на снегу, обнажённый, вокруг горящая синагога, тела раввина и его жены рядом, кровь и снег, огонь и дым.

…

Адам взял нож и начал пилить свой палец. Кровь стекала, снег смешивался с алой жидкостью, слёзы капали в пламя. Палец отрезан, кольцо перепрыгнуло на другой палец. Он снова пилит, кричит, плачет, дрожь и ярость переплелись в дикой эйфории.

Но тут он почувствовал невообразимое. **Душа его, его сущность, начала втягиваться в кольцо**, как если бы невидимые щупальца пожирали всё, что он был. Голос другого исчез, черви замолчали, но вместо свободы пришёл невыносимый ужас: он больше не был хозяином своего тела и сознания.

Сквозь кольцо тянулась адская тьма, огонь и боль. Адам кричал, но звук растворялся в ночи, в гуще пламени и дыма. Его сущность исчезала, смешиваясь с магией кольца – **поглощение было полным, окончательным, вечным**.

Сидя посреди разрушенного, горящего и залитого кровью мира, Адам Фельдштейн исчез, оставив после себя лишь кольцо – тихое, но живое, ждущее следующей жертвы, следующей души, чтобы продолжить свою страшную игру.

РУБИ

.

1985, ENTERPRISE, ALABAMA

Двадцатитрёхлетняя Руби Такер в рваных джинсах и потрёпанных кедах, скреплённых булавками, сидела на металлическом складном стуле с акустической гитарой на коленях. Она перебирала струны вместе с детьми. Их было девять – мальчики и девочки, от Нэнси, самой младшей, одиннадцати лет, до Марки, которому четырнадцать. Все они пытались играть «Michael Row Your Boat Ashore», ужасно и неуверенно, лица их были сжаты, словно в комнате лежала дохлая рыба.

Руби подняла руку, и они замерли, вздохнув с облегчением, словно только что выпустили из тюрьмы.

Она откинула прядь длинных рыжих волос за ухо и кивнула Марки. Он улыбнулся и ринулся к двери, захлопнув её за собой.

Руби вытащила кассету с надписью PISS OFF из «Вокмана» и вставила её в бумбокс на столе. Бросив взгляд на дверь, она подмигнула детям. Все засмеялись и вытащили аккордовые листы, которые она им дала месяц назад. На листе большими жуткими буквами было написано «GARBAGEMAN», THE CRAMPS , а под текстом зловещо глазела группа на картинке.

– Готовы? – спросила Руби.

Детям понадобилась секунда, чтобы поставить пальцы

на струны, потом ещё немного для Нэнси, и Руби нажала «плей».

Из бумбокса рвануло скрежущей гитарой Поизон Айви, и лица детей засветились, когда они начали играть вместе с ней.

– Ми… теперь соль, – направляла Руби. Маленькие пальцы прыгали и скользили по струнам. – Отлично, теперь снова ми… вот так!

Они спотыкались, пропускали аккорды, но в целом справлялись: всего за несколько недель практики почти каждый успевал за самой Поизон Айви Роршах. Музыкальный шум отражался от цементных стен зала YMCA, и для Руби это звучало как рай.

Она не удержалась и присоединилась, на лице появилась маленькая, почти зловещая улыбка.

Если бы год назад кто-то сказал Руби, что она будет не только учить этих детей играть на гитаре, но и получать от этого удовольствие, она бы рассмеялась. Но она не чувствовала себя такой живой месяцами: музыка текла через неё, как адреналин. И она точно знала почему: потому что бросила эти чёртовы таблетки – литий – всего две недели назад. Теперь её разум был свободен от тумана. Она принимала лекарства с четырнадцати лет, но всегда сбегала от них, ненавидя, как они душили её.

Я не шизофреник, – думала она. *Вспыльчивая? Да, как папа. Но не маниакально-депрессивная и не эта новая при-*

думанная болезнь – биполярка. Нет, это не я. Плевать на доктора Фергюсона. Плевать на маму. Мне не нужны таблетки, убивающие душу. Мне нужна музыка, искусство и хоть немного свободы.

Щемящая тревога коснулась её: если кто-то узнает, что она бросила лекарства, проблем будет море – не только с доктором и мамой, но и с судом. Это был её последний шанс. Ещё один срыв – и это уже не центр лечения, а исправительная колония.

Отпусти это, – приказала себе Руби. *Никто не узнает, ты соберёшь себя в кучу. Да, мэм. Отпусти…*

Она отпустила. Музыка помогала забыть о срывах, арестах, пробации. Осталась всего неделя – и она уезжала навсегда из этого захолустья. Вперёд, к Тине… к возрождению группы.

Руби закрыла глаза, погрузившись в музыку, и едва заметила, когда дети перестали играть. Лишь щелчок выключенного бумбокса вернул её к реальности.

Она открыла глаза и увидела ужас на лицах детей. Повернувшись, Руби встретила взгляд миссис Райт, директора YMCA.

– Руби, – строго сказала она. – Не могла бы ты выйти со мной в коридор?

– Ой, не серчай на Руби, – вставил Марки. – Это мы сами хотели сыграть эту песню.

– Да, – поддержали остальные.

Миссис Райт окинула их ледяным взглядом, и в комнате похолодело. Она вытащила кассету и подняла её:

– Это уродливая музыка. В Y мы не играем уродливую музыку.

Кассета исчезла в её кармане.

Эта кассета была не просто чем-то – её лучшая подруга Тина сделала её лично для Руби. Лицо Руби вспыхнуло, и она даже попыталась выхватить кассету. *Нет,* – приказала себе. – *Сохрани хладнокровие.*

Миссис Райт прищурилась на аккордовый лист Марки, глаза округлились, словно она заметила змею. Она прошлась от ученика к ученику, отбирая листы и зажимая их под мышкой.

– Что это за чертовщина? – пробормотала она, листая «Cramps», как будто они были пропитаны мочой. – Ни за что! Ни в моём Y!

Она подняла другую брошюру – «Favorite Christian Folk Songs». Голос стал спокойным, но напряжение ощущалось как натянутая струна:

– Сколько здесь красивых песен…

– Но нам скучно! – пробурчала Нэнси.

На мгновение Руби показалось, что миссис Райт собирается сунуть брошюру Нэнси в рот. Она лишь глубоко вздохнула и посмотрела на Руби холодными глазами:

– Руби, в коридор. Сейчас.

Чёрт, – подумала Руби. – *Когда я научусь?*

Она встала, следуя за миссис Райт. *Следи за собой, Руби. Следи… за собой…*

Миссис Райт осмотрела Руби, медленно покачивая головой:

– Это YMCA, Руби.

– Да, мэм.

– Знаешь, что значит «С» в YMCA?

– Да… Christian.

– Тогда тебе ясно, почему я не могу позволить тебе учить детей играть эту музыку дьявола.

– Музыку дьявола? Что… нет… – голос Руби дрогнул. – Мэм, я не подумала. Я должна была спросить вас сначала.

Мгновение лицо миссис Райт смягчилось.

Не говори больше, – думала Руби. – *Просто оставь так.*

– Я просто хотела сделать занятие интереснее, – продолжала Руби. – Дети заскучали от старых песен, я думала, может, будет весело.

Уголок рта миссис Райт дернулся. Долго молчали. Потом тонкая улыбка скользнула по её лицу:

– Если я не ошибаюсь, это твоя первая группа студентов?

– Да, мэм.

– Я давно учу музыку, не только её, но и искусство. С детьми и взрослыми. С тех пор, как ты родилась. И за это время мои работы получали награды. Знаешь об этом?

– Да, мэм.

– Тогда логично, что я кое-что понимаю в искусстве и му-

зыке. Но ты всё равно пытаешься меня учить…

– Учить? Нет, мэм! Я просто хотела сделать занятие веселее.

– Думаю, нам стоит сменить направление, – холодно сказала миссис Райт.

– Как?

– Нужно дать тебе перерыв от этих детей. Мальчики устроили туалетный беспорядок… так что идёшь чистить раковины и унитазы.

– Что? Нет! Я не уборщица! – крикнула Руби, сплюнув немного слюны.

Маленькая улыбка миссис Райт появилась на губах – та самая, что преследовала Руби всю жизнь.

Руби глубоко вздохнула, закрыла глаза на мгновение, потом сказала:

– Простите… но дайте ещё шанс с детьми, пожалуйста.

– Не могу отпускать тебя обратно в таком состоянии, – сказала миссис Райт.

Состояние? – думала Руби, сжимая руки, чтобы не дрожали.

– Делать что-то другое будет полезно для тебя, – продолжила миссис Райт. – Справишься – я оставлю остальное. Согласна?

Нет. Не согласна, – подумала Руби. – *Это несправедливо…*

– Руби… согласна?

Руби кивнула.

– Тогда идём. Знаешь, где швабра?

Она снова кивнула.

Руби направилась к коридору, успев увидеть, как миссис Райт выбросила её кассету.

– Сука! – прошептала она, доставая её и вытирая крошки, прежде чем направиться к уборке.

***

Туалеты находились в дальнем конце коридора. Руби катала ведро с шваброй, проходя мимо ряда дверей, ведущих в длинные корпуса. Эти комнаты выглядели как открытые спальни или казармы, и причина была ясна – раньше так и было. Видимо, весь комплекс когда-то был тюрьмой; его переделали под YMCA где-то в начале шестидесятых, после того как несколько заключённых сбежали и устроили убийственный разгул в соседнем районе. Подрядчики сделали лишь минимальные изменения, даже две старые сторожевые башни остались. Место дышало гнетущей атмосферой, и Руби иногда казалось, что она сама заключённая, а миссис Райт – сердитый старый тюремщик, который старается держать её в узде. И между каждым «корпусом» висела одна из милых акварелей Смотрительницы Райт, глядя на неё и насмехаясь.

Руби завела ведро с шваброй в мужской туалет, даже не постучав. Какой-то мальчишка, лет двенадцати, завопил, обмочив штаны, и метнулся застегивать ширинку.

– Эй! – закричал он. – Тут нельзя!

– Убирайся, – рявкнула Руби, и когда он не двинулся достаточно быстро, она ткнула его шваброй.

Мальчишка бросился бежать.

Руби заглянула в кабинки. Миссис Райт была права: дети писали куда угодно, только не в унитаз.

– Чёрт! – пробормотала Руби, вытаскивая наушники. Она надела их, достала кассету из заднего кармана. На обложке красными буквами было написано PISS OFF – почерк Тины был смелым и уверенным. – Боже, как же я скучаю по тебе, Тина.

Они встретились на уроке рисования в старшей школе: Руби была второкурсницей, а Тина – на год старше. Тина пришла поздно и села рядом с Руби в самом конце класса. Руби не могла отвести глаз. Тина была азиаткой – в южной Алабаме это уже делало её заметной, но причина была не в этом. Волосы… их можно было назвать коротко подстриженной жуть как газонокоской. И одежда – рваная, выцветшая черная футболка с вырезанными рукавами, затасканные кеды с булавками, джинсы с дырами на коленях. Руби пыталась понять, кто так специально одевается, думала, может, у этой девушки что-то с головой.

Тина спросила, чего это Руби так смотрит, и та честно призналась: понятия не имела. Тина показала ей средний палец, и на этой неделе они больше не разговаривали друг с другом.

В пятницу Тина подмигнула Руби и протянула кассету. В

её улыбке было что-то такое проказливое, что Руби, против своей логики, взяла подарок. Когда она увидела нарисованное вручную название PISS OFF , сомнения усилились. Но к обеду любопытство взяло верх, и Руби послушала кассету на Walkman. Это была смесь панк-рока и нью-вейва. Руби панк-рок терпеть не могла, все его терпеть не могли. Она дослушала пять песен, потом плюнула, вернула на плеер Led Zeppelin.

Кассету она забыла, пока на шестом уроке не начала напевать мелодию. Сначала не могла вспомнить, что это, а потом поняла – одна из песен с кассеты. Мелодия вертелась в голове, и по дороге домой Руби снова включила её. Это была песня «Sonic Reducer» группы Dead Boys. Она прослушала кассету целиком, надеясь найти ещё что-то похожее. Больше такого не было, но несколько песен зацепили: Ramones, The Damned, The Stooges, The Cramps. К концу выходных Руби не могла расстаться с кассетой.

Плейлиста не было, и в понедельник Руби с жадностью пыталась узнать о группах. Когда Тина пришла на урок рисования, Руби встретила её улыбкой и кучей вопросов: кто эти группы, откуда они, почему их нет по радио и где найти ещё. Появилась новая кассета, ещё одна, и через месяц Руби с Тиной стали неразлучны. Через месяц Руби подстригла волосы в колючую копну, удвоила подводку, поменяла Nike на Converse и начала рвать джинсы.

В школе Enterprise были свои правила, не записанные, но

все знали их. Первое правило про группы: Lynyrd Skynyrd – бог, потом Molly Hatchet и Charlie Daniels для простых ребят; для хедов – Zeppelin, Stones, может Sabbath; для «преппи» – топ-40, будь то кантри или рок, главное, что играл Casey Kasem.

Следующее правило: панк и нью-вейв – дерьмо; слушающий это – ещё хуже. Даже упоминание панка вызывало «фу» или «мерзко», а чаще – «это гейская музыка».

Для Руби панк-рок стал духовным пробуждением. Казалось, ей дали новую жизнь, мантру, волшебный плащ, который защищал от всей этой чепухи. И, главное, право не вписываться, показывать всем «fuck you» – преппи в Изоде, тупым спортсменам, с их рвотными криками и чертовыми сборищами. Руби любила говорить, что панк-рок спас её душу.

Руби моргнула и очутилась снова в туалете YMCA – те школьные дни с Тиной казались вечностью назад. Она сунула кассету PISS OFF в Walkman и включила, громкость на максимум. Сейчас ей нужен был этот волшебный плащ защиты, ощущение, что Тина рядом, хотя бы духовно. Но больше всего – сказать всему чёртовому миру: «Отстаньте!»

Dead Boys заливали её череп ревущими, фальшивыми гитарами, Руби подпевала, вытирая лужи с пола. Она махала шваброй туда-сюда, била ею по кабине, как будто хотела её снести, пальцы сжимали ручку до белых костяшек, теряясь в музыке и ярости.

– Ещё неделя, – прорычала Руби. – И я больше никогда

не буду иметь дело с этим дерьмом.

Но она знала, что это не совсем правда. Пока миссис Райт даст хороший отчёт судье и матери с пробационным офицером, всё будет. Если нет – она уйдёт. Ей почти двадцать четыре, и если она не уедет в этом году, никогда уже не уедет. Она должна была ехать с Тиной в Атланту, чтобы собрать группу, но до ареста, правда?

Кто-то коснулся её плеча, и Руби подпрыгнула – миссис Райт смотрела на неё сердито. Руби сорвала наушники, звук превратился в тихое шипение.

– Не стоит так громко включать. Повреждение слуха обеспечено.

– Что? – Руби выключила Walkman.

Миссис Райт заглянула в кабинку, потом на Руби с удивлением:

– Вот так лучше. Видишь, что можно сделать, когда постараешься? Применяй этот настрой ко всей своей жизни – и посмотри, не изменишься ли.

Руби оглянулась вокруг – всё было чисто. Она осознала, что вылила всю злость на этот туалет, настолько погружённая в музыку и мысли, что даже не заметила.

– Знаю, ты думаешь, что я слишком строга, – сказала миссис Райт. – Но это мой христианский долг – заботиться о тебе. Ты поблагодаришь меня когда-нибудь, увидишь. – Она взглянула на часы. – Есть ещё одно дело.

– Конечно, – сказала Руби, едва проявляя энтузиазм.

– Кто-то опрокинул мусорный бак у бассейна. Мусор по всей территории. Заберёшь это? Рано, но как закончишь – можешь идти домой. Маленькая награда за хорошую работу.

О, нет, – подумала Руби. – Не бассейн…

Миссис Райт ещё раз окинула взглядом туалет:

– Это многое компенсирует за то, что ты натворила раньше. Я впечатлена тобой, юная леди. Признаешь, что гордость за то, что ты делаешь, делает тебя лучше. Согласна?

Руби даже не слушала. Не бассейн… Чёрт, последний шанс встретиться с Билли.

– Увидимся в понедельник, – сказала миссис Райт, уходя.

Руби взглянула в зеркало – ужаснулась своему уставшему, вспотевшему отражению. Она даже чувствовала запах себя, а это никогда не было хорошо. Южная Алабама обычно жаркая и влажная, а эта неделя особенно из-за внезапной жары. И кондиционера в YMCA нет, разве что в кабинете миссис Райт.

– Господи, я в ужасном состоянии…

Руби загнала швабру в угол, вырвала несколько бумажных полотенец и начала вытирать лицо и подмышки, направляясь к бассейну.

Руби сегодня не видела Билли – она нарочно избегала его. Но знала, что он здесь: его машину невозможно было не заметить – навороченный Camaro восьмидесятого первого года , сияющий прямо у входа. Отец Билли владел местным

автосалоном «Chevrolet», так что Билли мог выбрать любую подержанную тачку с площадки.

Билли больше не был её парнем. Уже нет. И всё же Руби постоянно приходилось себе это напоминать. Казалось бы, после того, как они расстались, забыть его было бы просто. Но пять лет – это пять лет. Иногда пустота от этого просто подкрадывается, кусая изнутри.

Руби взяла мусорный мешок из женской раздевалки и выглянула в сторону бассейна, надеясь, что мусор рассыпан где-нибудь поблизости – схватить и исчезнуть, пока никто не заметил. Но нет. Мусорный бак опрокинулся на траву – как назло, прямо среди загорающих, весь хлам растянулся вдоль дальнего забора из ржавой сетки.

И, конечно, он был там.

Билли.

Сидел на полотенце у самой ограды.

А рядом с ним – Стейси , в кислотно-жёлтом купальнике.

Руби резко выдохнула сквозь зубы.

Стейси – дочка миссис Райт. Крашеная блондинка, преподаёт аэробику в Y. Когда не качала зад в спортзале, валялась здесь, у бассейна, выжаривая кожу под солнцем – и Руби тайно надеялась, что её когда-нибудь настигнет заслуженный рак кожи.

Билли говорил с ней, пока та возила по коже масляную плёнку загара, чавкая жвачкой и размазывая жир по грудям. Билли глаз не сводил, и было видно, что Стейси это безумно нравится.

– Шлюшка, – прошипела Руби, хлопнув себя по карману в поисках сигареты… и вспомнила, что бросила. Или хотя бы пыталась. Она глубоко вдохнула. Потом ещё. И ещё.

Она недавно читала книгу про ненасильственные способы решения конфликтов. Мол, дыши, думай, не ори.

Только вот прямо сейчас ей нужен был не дзен, а сигарета. И Руби поняла: бросать курить и одновременно переставать пить таблетки – не лучшая идея.

Ты контролируешь себя, Руби. Ты… держишь… себя… в руках. Всего неделя. Не сорвись.

Стейси что-то сказала – видимо, гениально остроумное – и Билли расхохотался. Тот самый дурацкий, ослиный смех, который когда-то казался Руби милым. Теперь он резал слух, как комариный укус на солнце.

Стейси поднялась и потянулась – одно из своих «аэробных упражнений»: руки вверх, наклон вправо, влево. Двигалась как будто небрежно, но Руби знала – специально показывает свои мышцы и пресс.

Они с ней были из разных миров.

И именно поэтому больнее всего было видеть, что Билли выбрал её .

Стейси – смуглая, гладкая, вся в золотом блеске. Руби – бледная, с веснушками и периодически высыпающей кожей, особенно в стресс. Стейси – соблазнительная. Руби – угловатая, жилистая, слишком тонкая. Таких называют «модельных», но Руби знала – в реальности это просто тощая. Её пальцы казались слишком длинными, запястья – тонкими. Она любила думать, что похожа на свою героиню, Патти Смит: андрогинная, дикая, рок-н-ролльная. Когда мужская куртка смотрится лучше, чем платье.

Она думала, Билли любил этот образ. Когда-то.

– Чёрт, – выдохнула Руби. – Сейчас будет весело.

Она пошла вдоль забора, подбирая мусор, приближаясь к Билли и Стейси. Из маленького магнитофона рядом с их полотенцем визжала песня – *«Honey Bunny»* группы Dewydoo and the Boohoos . У Руби передёрнулось лицо – единственное, что раздражало её сильнее самой Стейси, это, пожалуй, эта песня.

Небо было чистое, солнце палило так, будто пыталось прожечь её насквозь. Пот стекал по спине, лифчик натирал кожу.

Билли разглагольствовал – очередная тупая история, как

они с Фрэнком Смитом ночью залезли на прожекторную вышку стадиона и выкручивали лампочки.

Руби только мотнула головой. Господи, как хорошо, что ей не приходилось жить с таким количеством тестостерона и тупости.

Стейси смеялась, заливалась, кидая свои «О боже, правда? Ты такой псих!» – и Руби хотелось блевануть.

Молодец, Билли , – подумала она. – *Выбрал самую раздражающую бабу в Энтерпрайзе. Поздравляю.*

Особенно бесило то, что в школе Стейси и пяти слов с ним не обменялась – и те были гадостью. Тогда Билли водился с такими, как Руби: проигравшие, задроты, D&D, Nazareth, Uriah Heep, рисунки с вампирами и магами.

Руби почти прошла мимо, когда Билли вдруг окликнул:

– Эй, Руби! Весело тебе, а?

Стейси захихикала.

Руби показала им средний палец.

– Мама говорит, ты славно убираешь туалеты, – протянула Стейси. – Говорит, ты прямо мастерица. – Улыбнулась. – Зато теперь есть что вписать в резюме, ха!

Билли расхохотался своим ослиным ржанием.

Руби покраснела. Подняла пустую банку из-под газировки. Хотела швырнуть – но сдержалась. Не хватало ещё получить этот взгляд: *«она сошла с ума»* . Вместо этого она сжала банку, швырнула её в мешок и пошла дальше, будто не слы-

шала ни слова.

Держись, Руби. Просто держись.

– Эй, не дуйся! – крикнула ей Стейси. – Мы просто прикалываемся!

– Руби, – добавил Билли, – мы с ребятами вечером катаемся. Загляни на Dairy Queen часов в восемь. Марк с Пейдж там будут. А потом, может, к Джоуи – он GED сдал, празднует!

– Ага. Ну, разве что крысиный яд там раздают. Тогда, может, подумаю. А так – повеселитесь.

– Как знаешь, сладкая, – пропела Стейси.

– «Как знаешь, сладкая…» – передразнила Руби сквозь зубы. Скомкала последнюю бумажку, со злостью швырнула её в мешок и ушла от бассейна.

***

Руби шла домой по Ист Ли, гитара висела на плече. От раскаленного асфальта клубились волны жары, и почти двухмильная дорога казалась бесконечной. Если она не укроется от солнца, наверняка получит тепловой удар. Она мечтала о своей машине, копя каждую лишнюю копейку с работы.

Сзади прозвучал короткий гудок – это был Билли в своём Камаро.

– Садись, – крикнул он.

Руби продолжила идти.

– Ах, да не будь такой!

– Ты издеваешься, да?

– Слушай, прости, если я была груба.

– «Если»?

– Блин, в этой тачке такой кондиционер…

Она остановилась.

– Давай, садись!

Руби вздохнула, открыла дверь и устроилась внутри, приставив гитару к ногам. Холодный воздух ударил по лицу, и это было почти как спасение.

Они молчали несколько минут.

– Ну… как ты? – спросил Билли.

– Как ты думаешь?

Тишина.

– Прости за сегодня. Мы… мы были слишком резки.

– А ещё за что ты извиняешься?

Он глубоко вдохнул. – Давай просто не будем снова это обсуждать.

Тишина.

– Чего ты хочешь, Билли?

– Просто пытаюсь быть с тобой нормальным. Всё.

Она понимала, что он искренен, и на мгновение ей хотелось, чтобы всё было так же просто, будто плохое никогда не происходило. Ей сейчас как никогда нужен был друг.

– Так ты теперь катаешься с тусовщиками по стрипу?

Он бросил на неё взгляд. – Не начинай.

– Что?

– Не все хотят сидеть дома. Жизнь – это не только пластинки и книги для ботанов.

Руби вздрогнула. – Высадить меня можно?

– Детка, мы не враги.

– Совесть наконец настигла тебя?

– Чёрт, ну разве мне легко здесь?

– Ты раньше ненавидел этих тусовщиков.

Билли покачал головой. – Я понимаю, что ты ненавидишь Стейси. Всегда ненавидела.

– Постой, я? Ты тоже. Она же нас засирала в школе. Ты всегда называл её зазнайкой.

Билли нахмурился. – Люди меняются. Стейси изменилась. Ты бы знала, если бы дала шанс. Но ты никому шанс не даёшь. Если они не из твоего панк-клуба, ты сразу враг.

– У меня есть причины. И панк-рок спас мою душу, кстати. Ты должен это понимать. И… да, я лучше понимаю того, кто любит The Cramps, чем того, кто слушает Toto или Dewydoo. Вот и всё.

– Видишь, думаешь, что твоя музыка лучше всех. Кто тут зазнайка?

– Моя музыка лучше всех! Намного лучше того, что слушают эти тупицы. Где это вообще взялось? Ты хочешь сказать, что какая-то арена-группа вроде Toto сравнится с The Cramps?

Он пожал плечами. – Не знаю. Всё это для меня просто шум.

– Не знаешь! Как «не знаешь»? Конечно знаешь! Toto не дышат тем же воздухом, что The Cramps. The Cramps – истинные властители рок-н-ролла! Кто ты вообще такой?

Он усмехнулся. На мгновение она увидела старого Билли, друга, каким он был когда-то.

– Может, я просто хочу расширить кругозор, – сказал он. – Иногда полезно слушать разное.

– Есть только два вида музыки: хорошая и плохая. Ты теперь слушаешь Van Halen с тусовщиками? Или впитываешь вайб Стейси и Dewydoo?

– А если я?

– Да ты шутишь! Dewydoo – это не расширение горизонтов, это тупизм.

– Видишь, ты сноб. Хуже даже, чем эти преппи.

– Как ты можешь так говорить после всей дряни, что мы пережили в школе?

– Всё возвращается в школу. Ты там застряла, держишь обиды на всех и всё. Не можешь отпустить.

Руби ощутила резь. – Нет. Много плохого произошло. Тебе понравилось быть избиваемым, быть странной всё время? Мне нет.

– Нет, и, может, поэтому я меняюсь. Не хочу, чтобы меня всю жизнь считали странным.

– Меняешься? Как именно?

– Начал тренироваться.

– Тренироваться? Ты?

– Да, я, – фыркнул он. – Другие заметили. Стейси говорила, что я изменился. Из того хилого дурака в школе я превратился в нечто… иное.

Руби рассмеялась. – Ставишься к этому слишком прагматично. Новый Chevy, большая хата, папин автосалон… понятно, почему она тебя любит.

– Ты просто зла, – пробормотал он.

Они снова замолчали.

Как мы сюда попали? – думала Руби. Раньше мы были связаны, два неудачника, смеющиеся над всеми дураками школы. Может, это всё, что у нас было. А может… я скучная.

Да, она предпочитала оставаться дома с пластинками, книгами, гитарой, чем бухать с тусовкой – теми, кто никогда никуда не пойдет, просто мечтают «что-то сделать». Она осознавала, что и сама такая.

Единственное, что вдохновляло её в Энтерпрайзе, была огромная статуя жука – монумент жуку-болле. И не просто статуя, а богоподобная женщина в фонтане, держащая насекомое над головой, словно дар небес.

– Подвезти к Пэм? – Билли был холоден, дистанцирован.

– Да, спасибо. – Она вздохнула. – Серьёзно, Билли, спасибо. Я ценю твои усилия. Просто… я ещё разбираюсь во всём.

Черт, нужна сигарета, – думала Руби. Она открыла бардачок, замерла, увидев пластиковый пакет.

– Билли, черт! Что это?

– Марихуана, – спокойно, как жвачка.

– Ты шутишь? Меня за это в штат отправят!

– Черт, забыл. Пустяки.

– Это не пустяки! Билли, тебе плевать?

Он закатил глаза. – Ты преувеличиваешь.

Они подъехали к дому Пэм. Билли не глушил мотор, ждал, пока она выйдет.

– Как можно быть таким безалаберным? Это твоя вина, что я месила полы последние месяцы.

– Сколько раз ты это повторять будешь? – выдохнул он. – Я облажался, ладно? Извините, распинайте меня. Черт, это была ошибка.

Руби моргнула, не находя слов.

Билли продавал траву год после школы, «оптом», чтобы держать цены низкими. Руби не парилась, пока они не попались.

Они ехали к озеру Толокко, когда Билли заехал на заправку. Зеленый ржавый фургон, незнакомый парень, женщина в топе и мини-шортах… Билли сунул Руби конверт с деньгами и велел отдать. Она отказалась. Он сделал своё фирменное лицо: если не сделаешь, я обижусь. Она уступила и пошла в туалет за женщиной.

Женщина оказалась около пятидесяти, с лицом как бетон, но улыбалась. Руби отдала конверт. Подождав, достала сумку, вышла. Фургон исчез, Билли за машиной. Тогда подъехал шериф.

Руби замерла. Паника. Она спрятала пакет под клеткой

для сверчков и пошла к Билли. Шериф крикнул: «Эй, девушка, ты что-то уронила».

Билли дал газу и умчался. Руби осталась, трясясь. «Психо», – слово звенело в голове. Он никогда не переходил черту раньше.

– Буду плакать, – шептала она. – Черт, буду плакать.

И она заплакала.

***

Отлично, я сделаю литературно адаптированную версию этого фрагмента. Сохраняю тёмную атмосферу, хардкорность и живость персонажей , при этом текст будет естественно звучать по-русски .

Руби стояла во дворе у Пэм, вытирая слёзы и пытаясь взять себя в руки.

– Почему бы тебе не зайти? – прозвучал тёплый голос сзади.

Она обернулась и увидела Пэм у двери с сеткой. Девушка толкнула дверь и улыбнулась: – Заходи.

Руби вошла, поставила гитару у двери.

Пэм была в полётном костюме: старший сержант ВВС, летала на лёгких самолётах на базе Форт-Ракер. Руби работала у неё три-четыре дня в неделю, присматривая за пожилым отцом Пэм, пока та была в отлучке.

Пэм обняла Руби за плечи и провела на кухню. – Чай? – предложила она. Голос с лёгким нюансом акцента Бруклина. Она налила два стакана и поставила их на стол: – Остынет, хоть немного.

– Спасибо, – сказала Руби, усаживаясь. Пэм не была старше Руби больше чем на пару лет, но казалась целиком взрослой: уверенной, собранной, такой, которой сама Руби никогда бы не смогла стать. Взгляд, манера говорить – прямые, без надменности и без агрессии.

– Слышала, как вы шумели? – спросила Руби.

– Слышала.

– Прости за это.

– Не за что. Думала, вы уже закончили.

– Мы точно закончили, – пробурчала Руби.

Пэм сделала глоток чая, откинулась на спинку стула.

– Знаешь, что меня больше всего бесит? – проговорила Руби. – Два года я ждала, пока он поедет со мной в Атланту. Два долбанных года. Я подвела Тину ради него. И вот так он меня благодарит?

Пэм положила руку на руку Руби, сжала. – Ты не знала, что он играет с тобой.

– Знала бы я. Может, не сразу, но точно тогда, когда он постоянно находил причины не ехать. «Поедем на следующей неделе», «после праздников», «когда снимут брекеты»… И каждый раз, когда я предлагала уехать самой, он начинал ныть: «Если бы ты меня любила, ты бы подождала». Знаешь,

что я думаю? Он никогда и не собирался ехать. Просто тянул время, надеялся, что я брошу Атланту, группу, останусь здесь с ним.

Руби покачала головой. – Всё это заставляет чувствовать себя дерьмово. Думаешь, знаешь человека – а он оказывается совсем не такой. – Она уставилась в чай, глубоко вздохнула. – И ещё кое-что. Иногда мне кажется, что я просто использовала его как оправдание. Что глубоко внутри я боюсь. Именно это Тина и сказала. Зачем ещё я здесь? Может, я и правда лузер… отстающая.

– Это неправда. Тина и твоя группа – это почти всё, о чём ты говоришь.

– Может быть. Сейчас уже не важно. Единственное, что я знаю: я не получала от Тины письма почти год. Наверное, она меня бросила. Не могу её винить.

– Слушай, у тебя осталась всего неделя. Неделя – и ты будешь свободна. Вся жизнь впереди. Ты можешь быть кем угодно.

Руби попыталась улыбнуться, но мысли её уносились к Тине. Они начали свой коллектив, «Night Mares», ещё в школе, поначалу просто притворяясь. Тина с короткой стрижкой, без бюстгальтера, с тонкими, рваными руками, перебирала аккорды, а Руби рычала вокал, била по басу. Старший брат Тины, Джим, держал ударные. Постепенно они начали собираться как настоящая группа, писали свои песни, строили планы на Атланту.

Но жизнь редко идёт по плану. Они так и не сыграли ни одного концерта, зато тот шум в подвале был одним из лучших моментов её жизни.

Пэм встала. – Ах да, почти забыла. – Схватила блокнот с кухни и села обратно. – Вот твой рабочий отчёт. Счёт часов и оплаты, как просил твой куратор. Как его там… Ларри что-то?

– Спасибо, Пэм. Да, Ларри Asswipe.

Пэм усмехнулась.

– Я тоже не горю желанием его видеть. Он меня ненавидит.

– Ты не знаешь этого.

– Я знаю. Он мне сказал прямо: «Тебе следовало сесть за удар по шерифу. Я надеюсь, ты всё испортишь, и тогда я закрою тебя».

– Может быть, но теперь ничего он не сможет сделать. Ты почти свободна.

– Боже, не говори так! Сглазишь! – Руби постучала по столу, скрестила пальцы, перекрестилась дважды, не заботясь, что она не католичка.

Пэм рассмеялась. – Такая суеверная. Всё будет хорошо. Ты заслужила удачу после всего, что пережила. – Лицо её омрачилось. – Буду скучать по тебе. И не только потому, что ты отличная сиделка. Настоящее скучание.

– Я тоже буду скучать, – сказала Руби, искренне. – А как интервью с миссис Уит прошло? Мистеру Розенфельду по-

нравилось?

Пэм чуть не поперхнулась чаем. – Во-первых, он нас не услышал, стоял в кухне в одних трусах в горошек. Хотела умереть. А миссис Уит? Не моргнула глазом, просто похвалила его трусы.

– Похоже, тебе повезло.

Пэм рассмеялась. – Думаю, так. Она не будет твоей Руби, но он привыкнет. У него ум непредсказуемый. Был остр как бритва. Даже показала ей, как готовить суп с маццо-боллами. Похоже, она не понимала, зачем её вообще сюда позвали.

– И как сегодня день? Хороший или плохой?

– Он в порядке, – начала Пэм. – Ну… он… – Слёзы навернулись на глаза. – Сегодня он меня не узнал.

– О, Пэм. – Руби взяла её за руку.

– Первый раз такое. Я думала, что готова… – Губы задрожали. – Это так выбило меня из колеи.

Проблемы мистера Розенфельда начались с рака лёгкого. Половину лёгкого удалили, но рак уже метастазировал: три неоперабельные опухоли в мозгу, одна с размером с мяч для гольфа. По словам Пэм, теперь можно было только облегчить его состояние.

– Пойдём к нему, – сказала Руби, внезапно ощутив желание обнять старика. – Поставлю ему пластинки Барбры Стрейзанд. Немного ностальгии помогает памяти.

– Ты святой человек. Не знаю, как выносишь её пластинки весь день.

– Кто? Стрейзанд? Я её обожаю! – Прослушивание пластинок с ним было любимым занятием Руби. Она даже приучила его к своим альбомам. Он морщился, но кайфовал от Madness, вместе танцевали и смеялись до колик.

Пэм улыбнулась. – Рада, что ты сегодня здесь. Особенно сегодня. После твоих визитов он всегда лучше себя чувствует.

Они прошли во двор, мимо чёрного Кадиллака конца 60-х с вмятиной на бампере – ключи пришлось отобрать у мистера Розенфельда. Приближались к небольшому, но аккуратному трейлеру.

На зелёном вельветовом диване сидел мистер Розенфельд: небольшой, лысоватый, в синих пижамах. Рядом распакованные коробки. Он аккуратно разворачивал упаковочную бумагу, обнажая маленькие песочные часы из чёрного камня и мутного стекла.

– Как дела, Папа? – спросила Пэм.

– Полумёртв и умираю, – буркнул он, не поднимая глаз.

– Как обычно, значит?

– Ага.

– Привет, Джош, – сказала Руби. Он настаивал, чтобы её так называли. – Рада, что ты наконец распаковываешь вещи.

Он подтолкнул очки и строго посмотрел на неё. Лоб сморщился, затем улыбнулся. – Руби, дорогая!

– Помогу тебе отсортировать это, – предложила Руби искренне. Джош когда-то был уборщиком в синагоге, ухажи-

вал за коллекцией религиозных артефактов: мумии лягушек, браслеты из зубов и прочее. Молодёжь это отталкивало. Новый раввин, или «щенок», как называл его Джош, хотел всё убрать. Джош сам поддерживал порядок.

Он поднял песочные часы, щурясь. Перевернул: красный песок потёк вниз. – Видишь этот песок?

– Да, сэр.

– Попробуй угадать, откуда он.

– Без понятия.

– Ад.

Руби хотелось смеяться, но что-то в его голосе пугало.

Джош поставил часы на стол. – Они идут. Надо быть готовым.

Руби посмотрела на Пэм. Та пожала плечами.

– Кто идёт? – спросила Руби.

– Демоны.

– Не снова, – пробурчала Пэм, вынимая окурок из чашки. – Папа, что это?

– Весьма твоя забота.

– Ты знаешь, что курить нельзя.

– Один лёгкий остался.

– Полтора. – Он достал сигарету из кармана пижам. – Кто видел зажигалку?

Пэм вздохнула. – Ладно, я на работу. – Поцеловала его в макушку, забрала сигарету. – Люблю тебя, Папа.

– Только если она будет добра к мне, – буркнул Джош.

Пэм подмигнула Руби и ушла.

Наступила пауза, они молча смотрели в пол. Джош прочистил горло: – Руби, дорогая, вопрос.

– Да, сэр?

– Сколько мне заплатить, чтобы отвезла меня в Атланту?

ДИК

Меня зовут Ричард, но люди звали меня Дик. Я всегда ненавидел, когда меня называли Диком. Тогда мне было пятьдесят два года, и я был злом.

Я пытал людей, убивая их изощрёнными и чудовищными способами, как правило, максимально медленно. Но не это делало меня злом. Зло должно быть *выбором* .

Уточню: подо мной никогда не кипела скрытая ярость, не было нужды мстить за какие-то мнимые обиды. И у меня не было в прошлом тайных историй о том, как я душил маленьких Шариков или Мурок. Ни приступов паранойи, ни бреда, ни неконтролируемой злобы. У меня было достаточно друзей и несколько неглупых подружек в школе и колледже. Я хочу сказать, что не было никаких признаков, никаких тревожных звоночков, предвещающих психопатическое поведение. Я был слишком ничтожен, чтобы меня даже вызвали к директору, не говоря уже о том, чтобы натворить настоящих бед.

Итак, я не был рождён для этого. Чтобы стать злом, мне пришлось приложить много усилий.

Конечно, мы должны рассмотреть внешние факторы, какие-нибудь травмирующие события, которые могли бы извратить мою способность к сочувствию к собратьям-людям. Знаете, та самая чушь собачья, которой психологи посвящают целые карьеры. Думаю, всем нам легче спится, если мы

можем найти логику в нелогичном, хоть какой-то смысл в жестоких, чудовищных актах, совершённых против невинных. Я вырос в семье среднего класса: никогда не получал всего, что хотел, но и не помню, чтобы в чём-то нуждался. Меня не задирали, не травили и не изгоняли в школе… по крайней мере, не больше, чем любого другого ребёнка. Мои родители были всё ещё женаты. Они никогда не били ни меня, ни друг друга. Никакой словесной порки или принудительного стояния на коленях, слёзно молящего Иисуса о прощении.

Нельзя было винить и мою карьеру. До выхода на пенсию я был довольно успешным коммерческим фотографом. Скучное занятие, но это было то, чем я хотел заниматься, или, по крайней мере, так думал. Значит, и тут не было скрытой злобы. Ах да… но есть же мой развод… область, щедро пропитанная бедами. Однако, как бы мне ни хотелось обвинить свою бывшую в чём-то, в чём угодно, единственное, в чём я мог её упрекнуть, – это лёгкая отстранённость, а это не даёт весомой причины для того, чтобы начать пытать и убивать людей. Ничто из этого не даёт. И в этом вся суть.

Я стал злом, потому что *выбрал* им стать, не потому, что был вынужден. Этот выбор, этот здравый, рациональный выбор, и сделал меня по-настоящему злым.

Тут было нечто большее, чем просто выбор. Это было полное *осознание* того, что я делаю нечто презренное, порочное и гнусное. И, кажется, это было самой важной частью: не

просто осознание, но мой *ужас и отвращение* . В их приглушённых воплях я слышал нечто большее, чем боль. Я узнавал их абсолютное отчаяние, их знание, что они умрут ужасно и что им придётся пройти через это в одиночку. Я видел то, что лежит под их страхом, – замешательство в их глазах: как такая непостижимая вещь может происходить с ними? Как их безопасный, тёплый мирок с ярко-розовым лаком для ногтей и муссом для волос мог вдруг искривиться в кошмар невыносимой боли и ужаса? Я понимал несправедливость кражи их молодых жизней, которые едва начались. Хочу, чтобы вы знали: это разрывало моё сердце, я чувствовал это до самой своей основы.

Так почему же я выбрал зло?

Это не тайна, не теперь. Это просто. Мучительно ясно. Я заскучал. Скучал по своей карьере, скучал по жене, скучал по своей экономичной машине, по дому с фиксированной ставкой и тридцатилетней ипотекой, по своим друзьям, особенно по друзьям и их бесконечному трёпу о мечтах и амбициях, которые ни во что не превращались; по ежегодным отпускам в Гатлинбурге, на пляже Панама-Сити или в любом другом богом забытом месте, куда жена хотела поехать в тот год; по демократам, по республиканцам, по баптистам, пресвитерианцам и методистам; по поливу и стрижке газона, чтобы не отставать от каждого газона в моём шаблонном микрорайоне; по сексу, по всем девяноста девяти каналам моего кабельного телевидения. По всему. Мне стало *смер-*

тельно скучно .

И что?

И вот: немного пыток и немного убийств оказались единственным, что я нашёл способным вырвать нудятину из жизни. Вот оно, так просто. Я обнаружил, что этот рациональный выбор зла был тем, что заводило меня. Знать, что нечто настолько гнусно, и сделать это всё равно – это совершенно здравое и рациональное осознание мерзости моих поступков делало переживание таким интенсивным. Оно снова позволяло мне чувствовать себя живым. И пока ты не подержал чью-то жизнь в своих руках, пока перед тобой не дрожали, и ты не решал не только, жить им или умереть, но и то, насколько долгой и ужасной будет эта смерть, – до тех пор ты никогда по-настоящему этого не поймёшь. Это впрыскивание абсолютного всемогущества. Я расхаживал как бог, зная, что любой, кого я увижу, с кем заговорю, у кого куплю продукты, с кем сяду рядом в кино. Любой. Любой. Все они, по сути, были во власти моей милости. Чёрт, я даже не буду осквернять это сравнением с сексом или наркотиками. Чувак, я тебе говорю: это был высший шик, писк моды. Ничто с этим не сравнится. *Абсолютно ничто* .

Может быть, если бы жена мне изменила, может быть, подсела на таблетки, набрала кучу долгов по кредиткам или подхватила смертельную болезнь – тогда, возможно, в моей жизни было бы достаточно драмы, чтобы сохранить её интересной. Может быть, тогда не было бы изрубленных остан-

ков дюжины молодых женщин, разбросанных по водным путям между Бостоном и Майами. Но для «может быть» было слишком поздно. Я нашёл то, что снова сделало жизнь стоящей, то, чего можно ждать, причину, чтобы ещё немного задержаться на этом старом, уставшем куске дерьма под названием планета.

Это называлось зло.

И зло снова звало меня. Словно шёпот, словно муза. *Кто* будет она на этот раз? *Как* плохо это будет? *Как* хорошо это будет?

Меня зовут Ричард, но люди звали меня Дик. Я всегда ненавидел, когда меня называли Диком.

Спальня Руби находилась в подвале дома её матери, и она проснулась от звука стучащих каблуков над головой. Она взглянула на цифровой дисплей часов и застонала. Было восемь утра, воскресенье, и, очевидно, мать всё-таки решила пойти в церковь. Её мать имела привычку ходить туда, только когда чувствовала себя виноватой, и Руби гадала, какую же ужасную вещь она натворила на этой неделе.

Руби услышала мужской голос; это был Эдуардо, бойфренд её матери, технически – её жених, который никогда не пропускал службу. Они должны были пожениться год назад, но мать всё откладывала. У неё была куча отговорок, но Руби знала, что причина в том, что Эдуардо не мог удержаться

на работе дольше пары месяцев.

Отец Руби умер, когда ей было восемь, оставив матери полностью выплаченный дом. У Эдуардо не было ничего, кроме пикапа, за который он ещё и платил взносы. Однако он, по его словам, «разрабатывал чертовски толковый бизнес-план», что-то о том, чтобы стать, представьте себе, охотником за головами. Руби знала это и почти всё остальное об их отношениях благодаря частым и очень громким ссорам в спальне над ней. Она также знала и слишком много об их сексуальной жизни: подвал не давал никакого спасения от чрезмерно громких оргазмов её матери. Это была одна из многих причин, по которой Руби выработала привычку спать в наушниках.

Как только Руби услышала, что они уехали на службу, она вскочила, оделась и направилась к дому Пэм, чтобы проверить мистера Розенфельда.

Руби любила воскресные утра; большинство людей на её улице были в церкви, и весь район принадлежал ей. Она надела наушники и нажала «Воспроизвести»: мягкие, мелодичные вибрации The Velvet Underground вызвали улыбку на её лице, успокаивая душу. Она чувствовала, что The Velvet Underground созданы специально для воскресных утр.

Раньше Руби нравилась церковь, но после смерти отца она перестала ходить. Она не была уверена, почему. Может, ей просто надоело слушать, как какой-то придурок твердит ей, что она грешница. Руби не считала себя таковой; она дума-

ла, что по большей части у неё довольно хорошая душа, и считала всё это представление о первородном грехе собачьей чушью.

Тем не менее, Бога было оставить сложнее, чем церковь. Как бы она ни старалась рационально объяснить отсутствие Бога, она чувствовала, что Он, или Она, или Оно, всё ещё там, судит её, просто ждёт, когда она облажается. Она задавалась вопросом, насколько её вера проистекает из её суеверности: она верила каждой услышанной истории о призраках, верила в НЛО, гадания, реинкарнацию и провела бесчисленное количество часов, разговаривая с мёртвыми через свою доску Уиджи. Она также стучала по дереву дюжину раз в день, избегала числа 13 и не могла спать без ночника, будучи уверенной, что в тенях её поджидают жуткие твари. Чем религия отличалась от этого? Она не думала, что отличалась. Но когда каждый, кого ты знаешь, верит в Иисуса, трудно не верить в него тоже.

Она поняла, что идёт быстро, что она взволнована. Сейчас она думала не об Иисусе, а о Дьяволе, особенно о том клочке волос, который мистер Розенфельд показал ей вчера. Она думала о нём всю ночь, о его странном мерцании. Весь год она гадала, что он скрывает во всех этих коробках, и не могла дождаться, чтобы узнать, какие ещё жуткие предметы он припрятал.

Руби почувствовала укол вины: как бы сильно она ни хотела уехать из этого города, мысль о том, чтобы оставить Пэм

и Джоша, ей претила. Ей казалось, что она их бросает. Она не знала, где бы она была, если бы не Пэм и та доброта, которую та ей оказала. Руби подумала, как было бы здорово, если бы она могла взять их обоих с собой.

Чтобы сэкономить время, Руби свернула с улицы и направилась через овраг – около акра леса, разделяющего два района. Тропа вела вдоль небольшого ручья. Она подошла к бетонной водопропускной трубе и вздрогнула. Ходили слухи, что много лет назад какая-то сумасшедшая женщина убила своих детей, а затем покончила с собой прямо на этом самом месте. Все соседские дети утверждали, что женщина была какой-то ведьмой и принесла своих детей в жертву Сатане. Руби сказала себе, что это чушь, но всё равно пробежала мимо.

Она вышла из леса чуть ниже дома Пэм, пересекла улицу и направилась к подъездной дорожке. Она обошла дом к заднему двору, с облегчением увидев, что мобильный дом всё ещё выглядит в хорошем состоянии, что ничего не горит, по крайней мере, не в данный момент.

Она постучала в дверь.

Тишина. Она постучала ещё раз. На этот раз услышала глухой стук.

– Минутку! – пропищал кто-то.

Она услышала ещё стук, шарканье, а затем громкий грохот.

– Мистер Розенфельд? – Она постучала снова. – Джош?

Он был возле кухни, копаясь в большой коробке. Он всё ещё был в синей пижаме, его клок седых волос стоял дыбом, будто его ударило током. Руби подумала, что, может быть, так и было.

– Мистер Розенфельд? Вы в порядке?

– Где оно? – лихорадочно спросил он, переходя к другой коробке.

– Что «оно»? – спросила она.

Он оглянулся, поправил очки на носу и прищурился на неё, как будто никогда раньше её не видел.

– Доброе утро, Джош. Это я, Руби.

Он продолжал подозрительно её разглядывать.

Руби видела, что у него «неважный день», и ей было больно смотреть на него таким, потому что она знала: лучше не станет, и ничего она с этим поделать не может. Она теряла его по одной памяти за раз.

– Руби, – повторила она.

Медленно он кивнул. – Да, я знаю. Заходи, Люси.

– Джош, это я, Руби.

– А?

– Руби. Знаешь, Дорогая Руби.

– Угу… Я так и сказал.

Комната казалась ещё более хаотичной, чем накануне: открытые коробки были разбросаны и сложены повсюду. Снова её поразили запахи – корица, шалфей, немного гнили, возможно, и запах жжёного дерева. Она обошла несколько

стопок, добралась до кухни и проверила холодильник, обнаружив запеканку с тунцом нетронутой.

– Джош, вы ели?

Он, казалось, не слышал её, просто продолжал рыться в коробке перед собой.

– Вам правда нужно что-нибудь съесть. Вот, я вам разогрею.

– Не голоден.

Она заметила большую дыню. – Как насчёт фруктов тогда?

– Где оно?! – рявкнул он. – Где, чёрт возьми, оно?!

Руби отодвинула коробку и поставила дыню на прилавок. – Может быть, если вы скажете, что ищете, я смогу помочь найти.

– Коробка. Я ищу коробку.

Руби оглядела все сложенные коробки. – Ладно… может, чуть конкретнее?

Он почесал голову. – Она должна быть примерно вот такой. – Он показал руками. – Приблизительно с обувную коробку. Кажется, она была красной, красная обувная коробка. Нет… – Он снял очки и потёр глаза. – Сигарная коробка. Красная сигарная коробка! Да, я уверен. И на ней будет написано «не открывать»… *я думаю* .

– Хорошо, – сказала Руби. – Это немного сужает круг. – Она начала перебирать коробки; большинство были без этикеток, те немногие, что были, имели надписи на том, что, по

её предположению, было ивритом.

– Просто открой их, – сказал он, звуча всё более и более панически. – Ищу бронзовый футляр с вырезанным на крышке пауком. Мы должны его найти. *Должны* .

Руби начала открывать коробки. Она развернула урну, несколько заплесневелых глиняных горшков, каменный нож, челюстную кость, покрытую волнистыми символами, коробку носков, книги, много, очень много книг.

– Пэм должна была помочь мне с этим, – пробормотал мистер Розенфельд. – На неё нельзя рассчитывать… всё время чертовски занята. Клянусь, если бы ей дали шанс, она бы выбросила всё это на помойку. – Он переставил несколько коробок. – Знаешь, у неё когда-то был хороший еврейский парень, они должны были пожениться и поселиться в Бруклине, родить мне внучат. Она бросила его, чтобы управлять самолётами. *Можешь в это поверить?* Потом… потом она заставила меня покинуть мой дом. Что это за дочь такая? Здесь даже хороший бублик не найти.

Руби кивала, полуслушая его бормотание. Она чувствовала себя ребёнком на Рождество, быстро открывая каждую коробку, взволнованная тем, что лежит внутри, восхищаясь каждой реликвией. Она убрала древнюю корзину, полную сушёных корней, и под ней была малиновая сигарная коробка.

На ней не было надписей, поэтому она сняла полоску малярного скотча и открыла крышку. Уютно, на чёрном бархa-

те, лежал футляр – длинный и тонкий, как футляр для часов, но сделанный из кованой бронзы, покрытый коркой времени. На крышке было что-то вырезано; это напоминало паука. Она вынула его из коробки, чтобы рассмотреть поближе, но в ту же минуту, как она коснулась его, почувствовала странное покалывание и внезапно *захотела узнать – должна была узнать* – что внутри.

Он был скреплён скрученной проволокой. Она размотала её, начала открывать футляр, но потом замешкалась, когда её охватило внезапное чувство ужаса. Он что, тёплый? Боже, почему он тёплый? Она взглянула на мистера Розенфельда; он стоял к ней спиной. Положи это, – подумала она. *Сейчас. Немедленно!* Она поддела крышку ногтем и открыла её.

Она ахнула.

Внутри лежал человеческий палец, мумифицированный, сухой и серый. На пальце – золотое кольцо; простой ободок, прикреплённый к плоской форме монеты. Вокруг кольца рассыпалась рыжеватая, восковая грязь. Блик света сверкнул с поверхности, притягивая её ближе. Она заметила вырезанный на ней закрытый глаз. Блик снова, почти как будто исходящий изнутри кольца. Она моргнула, и кольцо показалось другим: ободок принял форму паучьих лапок, а глаз был выпуклым.

Мистер Розенфельд всё ещё что-то бубнил, но Руби его больше не слышала, заворожённая глазом. Ей показалось, что она слышит пение; она наклонила голову. Вот – хор го-

лосов, еле слышный, приглушённый, как будто идущий из-под земли, и с ним внезапное влечение *надеть кольцо* .

Она покачала головой. *Нет, чёрт возьми, нет!* Но её пальцы двигались ближе, дрожа, зависая прямо над кольцом. Глаз. Он открылся, всего лишь щель, будто он щурился на неё. Она поймала красное свечение, похожее на раскалённый уголёк.

Голоса, хор, стали немного громче, немного яснее.

Руби наклонилась ближе. Глаз распахнулся, и крошечный чёрный зрачок сфокусировался на ней, уставившись в неё, *внутрь неё* . Ей хотелось закричать, бросить кольцо через всю комнату, но она этого не сделала. Вместо этого *она коснулась его* .

– *Нет!* – крикнул кто-то; это был мистер Розенфельд, но его голос звучал за сотню миль.

Руби падала, её охватил кружащийся мрак, и откуда-то хор – сотни голосов – пел песню, самую прекрасную песню, навязчивую и проникновенную, как ангелы в глубокой пещере. Хор нарастал, сладкие голоса наполняли её блаженством, восторгом, которого она никогда не знала. Она хотела, ей *было необходимо* присоединиться к ним, петь эту прекрасную песню вместе с ними.

Слова ударили по ней, резкие, грубые слова, каждое из которых рассекало мрак, как пощёчина по лицу.

Песня начала стихать, умирать.

Нет , – подумала Руби, когда резкие слова оторвали её. –

Нет!

Руби моргнула, обнаружив себя на полу. Мистер Розенфельд стоял над ней, читая что-то из древней на вид книги, выкрикивая поток странных слов, какой-то заговор.

– Песня, – застонала она, когда её охватила внезапная тоска. – Она ушла.

Он перестал читать. Задвинул очки на нос и уставился на неё в ужасе. – Ты меня слышишь?

Она села, потёрла голову.

– Ты меня слышишь?

Она кивнула, но она изо всех сил пыталась уловить ту самую песню, тот сладкий хор.

Он громко вздохнул и положил книгу на приставной столик. – Ты трогала это?

– А?

– Кольцо? Руби, ты его трогала?

– Кольцо? – Она пыталась понять, о чём он.

Он поднял бронзовый футляр. – Ты это открыла. Помнишь?

Тут до неё дошло: футляр, вид пальца… и да, кольцо – простое золотое кольцо. Но остальное было путаницей, всё, кроме песни.

– Ты трогала кольцо?

– Я не знаю. Может быть.

– Послушай меня. Ты не должна ничего здесь трогать, пока я не разрешу. Поняла?

Глаза Руби были прикованы к футляру.

Мистер Розенфельд быстро сунул реликвию обратно в сигарную коробку и спрятал её, убрав коробку в ящик приставного столика.

Руби почувствовала вспышку гнева, как будто у неё что-то украли.

Он изучал её. – Как ты себя чувствуешь?

Она моргнула несколько раз, заметила, что его руки дрожат, увидела, что и её тоже. – Что… что только что случилось? – спросила она. – Что вы заклинали?

– Руби, мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала. Мне нужно, чтобы ты отвезла меня в Атланту.

– А?

– Атланта. Ты можешь это сделать?

Руби показалось, что она уловила слабый отголосок песни, и с ним желание увидеть кольцо снова. – Откуда это кольцо?

Разочарование промелькнуло на его лице. Он встал, пошёл на кухню и вернулся с жестяной банкой. Он снял крышку и вытащил пачку купюр. Он отсчитал пятьсот долларов. – Это твоё, если ты отвезёшь меня туда *прямо сейчас* .

– Джош, у меня даже машины нет.

– Мы можем взять мою. У меня припрятана пара ключей, о которых Пэм не знает.

– Почему… почему, – Руби обнаружила, что ей трудно найти слова; голова казалась лёгкой. – Почему Пэм вас не

отвезёт?

Он издал фырканье. – Она слишком занята. Всегда слишком занята. К тому времени, как она доберётся до этого, будет *слишком поздно* .

Руби заметила, что мистер Розенфельд сейчас казался более собранным, в его глазах появилась ясность.

– Слишком поздно для чего? – спросила она.

– Пэм не принимает ничего из этого всерьёз… ни кольцо, ни Баалей Шем, ни демонов, ничего. Не хочет с этим возиться. Вероятно, просто ждёт, пока я не впаду в такое слабоумие, что забуду. – Его голос понизился до бормотания. – Проснусь как-нибудь утром и надену это порочное кольцо себе на палец. – Он потёр лицо. – Восемьсот, я заплачу тебе восемьсот.

– О, боже. Нет, мистер Розенфельд, это слишком много.

– Это ничего. У меня много денег. Мне не нужны деньги. Мне нужен *покой* . – Он поморщился. – Послушай, у меня могут быть провалы, но я не так слабоумен, как Пэм любит думать. Все, чего я хочу, – это поехать в Атланту и отдать часть этих реликвий другу. Кому-то, кому я могу доверять, чтобы он за ними присматривал. Разве это звучит неразумно?

Нет, не особо. Она уже возила его раньше. Несколько раз возила в Дотан на осмотры. Куда Пэм сказала, что едет на этот раз? Боже, как же трудно было думать. Колумбия. Да, вот оно. Был номер для экстренной связи. Это чрезвычайная

ситуация? Руби не была уверена, что это такое. Но Пэм была не главная проблема, так ведь? Нет, проблема была в том, что Руби всё ещё находилась на испытательном сроке, ей не разрешалось покидать штат. Вот в чём была проблема.

– Давай уедем сейчас, – сказал он. – *Прямо сейчас* . Мы вернёмся поздно ночью. Пэм никогда не узнает.

Пэм или кто-либо ещё, подумала Руби. Просто съездить туда и обратно. Что могло пойти не так? Только Руби знала, что что-то *всегда* шло не так. Снова Руби показалось, что она слышит слабый отголосок песни, как радиостанция, то пропадающая, то появляющаяся в зоне действия. Она с беспокойством взглянула на приставной столик и потёрла висок; голова начинала болеть.

– Джош, я неважно себя чувствую. – Она встала. – Думаю, мне нужно пока пойти домой. – Она споткнулась, подойдя к двери. – Знаете что, дайте мне подумать об этом. Ладно? Так будет нормально? Мы сможем поговорить об этом подробнее, когда я зайду завтра.

Он смотрел ей вслед, его лицо было угрюмым, как у того, кого оставляют умирать.

***

Пламя.

Жгучее, обжигающее, всепоглощающее.

Душа кричала, не в силах остановиться, пока плоть не вспухла, не зашипела, не почернела, превращаясь в пепел. Он зажмурился, но веки вспыхнули, и даже глаза загорелись, превращая всё вокруг в огненное море. Он тонул в нём, задыхаясь, когда пламя прожигало горло и лёгкие, сжигая его изнутри, пока он погружался всё глубже… и глубже. Он горел, пока не стал лишь обугленной оболочкой, но даже тогда огонь не отпускал – и он всё ещё кричал.

Душа горела неделю… месяц… десятилетие? Невозможно было сказать – там, где нет времени, есть лишь боль. Бесконечная.

Когда пламя, наконец, поползло прочь, уходя в трещины и расщелины, открылась чернота его темницы – каменные стены, обугленные, как кости ада. Но огонь не исчез. Он притаился в укрытиях, змеиными языками шипел ему в лицо, обещая новые муки.

Он лежал на груде пепла и камня, с трудом глядя на свои руки, ноги – всё обуглено, сморщено, словно тело, вынутое из костра. Попробовал подняться, но любое движение – сгиб локтя, сжатие кулака – приносило мучения, кожа трескалась и осыпалась, как краска с гнилой доски. Он замер, наблюдая за пламенем – своими стражами, своими мучителями.

…

Огонь дрогнул. И он ощутил приближение чего-то иного – присутствия. Оно несло с собой ужас, как холод несёт смерть. Душа попыталась отползти, но пламя сомкнуло путь,

и ему оставалось лишь жаться к камню, слушая дыхание того, кто пришёл. Тьма сгустилась, и из неё послышался шёпот:

– Назови моё имя.

Звук был тих, но гул от него разошёлся по стенам ямы, теряясь где-то вверху.

Имя? Какое имя?.. Душа пыталась вспомнить.

Из тьмы вспыхнули два языка пламени, осветившие фигуру. Женщина – или нечто, что напоминало её. Её кожа и волосы были цвета пепла, а на лбу – венец из колючих шипов, пронзивших плоть изнутри, будто сама боль проросла в ней. По щекам текли тонкие струйки крови, а из ран проглядывала чешуя, словно человеческая кожа лишь маска, скрывающая звериное нутро.

У неё остался лишь один глаз – рубиновый, мерцающий, как живое пламя. Второй – зияющая пустота, в глубине которой тлел крошечный огонёк. Её лицо было ужасно… и в то же время полно скорби, но не по нему.

– Назови моё имя, – приказала она.

Он вздрогнул. Знал это имя – когда-то. Но оно исчезло, как сон.

– Я… не помню, – прошептал он. – Прости.

Она улыбнулась.

– Я не из тех, кто прощает. – Она провела пальцами по языку пламени, и тот ласково лизнул её ногу. – Я – Лорд

Шилбет… твой спаситель. Твой господин.

– Господин?..

– Да. Теперь скажи моё имя.

Он замер. Инстинкт шептал: не делай этого. Имена – это сила.

– Или, может быть, ты хочешь вернуться в огонь? – мягко спросила она.

Пламя подползло ближе, и жар снова обжёг кожу.

– Лорд Шилбет… – выдохнул он.

И в тот миг она вошла в его разум. Как будто распахнулась дверь. И он увидел её – кольцо. С паучьими лапками и глазом посередине, точно таким, как у Шилбет. Господи… как он мог забыть?

– Кольцо… оно твоё? – прошептал он.

– Оно больше, чем моё, – ответила она. – Оно часть меня. – Она коснулась своей пустой глазницы. – Когда они вырвали кольцо из моей руки… – подняла ладонь, и он увидел, что безымянного пальца нет, – …они украли мой глаз. Но не моё зрение. – Улыбнулась. – Пришло время вернуть то, что моё. И покарать тех, кто осмелился вмешаться в мои дела.

…

Она приблизилась, плавно скользя, едва касаясь пепла своими длинными чёрными когтями. В свете огня её лицо казалось почти прекрасным – как у мертвой царицы, возвышенной и ужасной.

– Как твоё имя? – спросила она.

Имя… Он опустил взгляд. Память ускользала.

– Неужели ты забыл даже себя? – прошептала она, приблизившись к самому уху. Её дыхание пахло горящей плотью. – Ты – Беэл.

Имя ударило его, как молот.

И вместе с ним нахлынули крики. Лица. Боль. Страх. Потеря. И осознание:

– Потому что я – они, – прохрипел он.

Жалобные стоны слились в хоровое пение страдания – ужасное и прекрасное. Он узнал этот звук. Узнал и захотел бежать, но было некуда.

Шилбет раздвинула полы своего одеяния. Под ним – зияющая рана от груди до живота. И в ней – сотни алых червей, вьющихся и шевелящихся. Но Беэл знал: это не черви. Это души. Лица тех, кого он украл.

– Прекрати… – вскрикнул он. – Прошу!

Но стоны стали лишь громче.

– Ты уже подводил меня, – сказала Шилбет. – Помнишь? Потому что забыл, кто ты. Что ты. Но теперь – я позабочусь, чтобы ты больше не забыл.

Она подняла его подбородок, заставив смотреть в её глаз.

– Ты – вор душ… ты – шейд.

– Шейд… – повторил он, и отчаяние сжало сердце.

– Один из шедим, – сказала она. – Божьи незавершённые создания. Изгнанные, ненужные, проклятые. Люди тебя боятся. Ангелы ненавидят. Даже демоны презирают. А Бог? Для него ты ошибка. Его позор. Его брак. Потому он и бросил тебя сюда, в забвение.

Она помолчала.

– Тебя… и меня.

Беэл дрожал, слёзы катились из пустых глазниц.

– Мы хотели всё изменить, – сказала она. – И почти смогли.

Он видел горящую синагогу, раввина, тлеющего в снегу, и мужчину по имени Адам, рыдающего с ножом в руках.

– Тогда ты убил мага, Баал-Шема. Всё было готово. Осталось лишь завершить дело. Мы были так близко… —

Беэл увидел, как Адам перерезает себе горло, и его душа – втянута в кольцо. Он должен был освободиться. Но не смог. Кольцо держало его.

– Я был связан… этой проклятой вещью… – прошептал он.

…

– Ты предал меня, – сказала Шилбет. – Почему?

И он вспомнил – птицу. Голубку, что вспорхнула из-под снега. Она кружила над пламенем, пока он смотрел на неё, чувствуя что-то, похожее на свободу.

– Я хотел… смотреть, как она летит, – сказал он.

– Птица?! – её голос сорвался. – Ты предал меня ради птицы? Ради этого?

И тогда он понял. Он помнил, как жил в телах зверей, людей, птиц. Бегал, плыл, летал. И в ту ночь – хотел лишь вновь взлететь, хоть на миг. Хотел свободы. Пусть безумной – но своей.

…

Но пришёл тот ученик, молодой маг, и заключил их обоих в бронзовый ларец, в тьму, в пламя.

– Ты бросила меня в огонь, – сказал он.

– Да, – ответила она. – Чтобы ты вспомнил себя. Чтобы боль вернула тебя ко мне. Мы многое потеряли. Но впереди – надежда. – Её глаз вспыхнул. – Есть сосуд. Девушка, слишком любопытная для своего блага. Она тронет кольцо. И станет твоей.

…

– Почему ты не улыбаешься, Беэл? – спросила она. – Это – твой шанс на искупление. Мы возьмём её, заставим убить старого мага, и будем свободны. После всех этих веков… свободны!

Он молчал.

– Я должна быть уверена, – прошептала она. – Что ты помнишь, кто ты есть. —

Её ладонь коснулась его груди. Пальцы вошли в плоть, проломили рёбра, вырвали сердце.

Он закричал.

– Оно мертво, – сказала Шилбет. – Как и ты. – И начала сжимать сердце.

Боль прошила его тело.

– Назови себя! – требовала она.

– Я… Беэл! Шедим! Вор душ! – закричал он.

– И кому ты служишь?

– Тебе, Лорд Шилбет! Только тебе!

Она улыбнулась. Сердце задрожало, оживая в её руках.

Она начала петь. Её голос и стоны душ слились в единый гимн. Она капнула чёрной кровью на каждый луч звезды, начерченной в пепле.

– У Бога нет места для тебя… но у меня есть. Следуй за мной, Беэл. И я обещаю – никто больше не причинит тебе зла.

Её улыбка была ужасна и прекрасна.

– Готов ли ты искупить себя?

– Да.

– Больше никаких птиц?

– Никогда.

– Клянись.

– Клянусь.

– Хорошо, – сказала она. – Тогда всё решено.

Она вернула сердце ему в грудь. Боль – короткая, резкая – и тишина. Кровь потекла по венам, плоть восстановилась. Он задышал.

Шилбет посмотрела на него.

– Мы подождём. Девушка слышит мою музыку. Она вернётся за кольцом. И тогда… ты возьмёшь её.

****

Это я, Ричард.

Я нашёл ту самую скамейку – в парке Мэрион Сквер, в центре Чарлстона, Южная Каролина. Ту самую, где впервые пил «Маунтин Дью» с Бекки – тогда ещё моей будущей женой. Тридцать один год назад. Вечность… и всё же – словно вчера.

Я ехал на юг по трассе семнадцать, направлялся в Атланту после короткой остановки в Джэксонвилле, увидел дорожный знак, свернул – и вот я снова здесь, на той самой скамейке. Скажу честно: Чарльстон, со своими пальмами вдоль улиц и старыми домами, безусловно, очаровательный город. Спорить с этим трудно. Но я приехал не из-за этого. Если быть откровенным, я сам не знал точно зачем. Может, просто хотел вновь вдохнуть то чувство, когда жизнь ещё кажется настоящей, когда всё впереди. Все мои лучшие воспоминания – отсюда. Я был девятнадцатилетним мальчишкой, впервые один, впервые влюблён – по-настоящему. И фотография… чёрт, я жил ею. Был уверен, что стану следующим Энселом Адамсом или Мэном Рэем.

В девятнадцать ведь кажется, что весь мир ждёт тебя с распахнутыми руками.

Наверное, я просто хотел пробудить что-то забытое, хоть крошку утраченной страсти. Всё вокруг было почти прежним: тот же парк, старые здания, запах моря и болот. Всё будто застыло во времени. Я должен был чувствовать ностальгию, прилив, жизнь. Но ничего. Пустота. Если здесь и были призраки, они прятались от меня. Всё казалось чужим, глухим, тяжёлым. Давящая пустота, будто я уже умер, но продолжаю ходить по земле – лишь оболочка без души. Да, звучит драматично, но это правда. Вся поездка – напрасна. Потому что, чёрт побери, нельзя вернуться назад. Никогда.

Я знал, что будет дальше. Я знал это слишком хорошо.

Мимо прошла молодая женщина. Я почти не обратил внимания – слишком занят был жалостью к себе. Наверное, и вовсе бы не заметил, если бы не звук – что-то упало на дорожку. Кассета. Она наклонилась, чтобы поднять её, и в тот миг я замер. Бекки. Бекки моей юности. Та же тёмная вьющаяся копна, собранная наверх, тот же нелепый «пудель». И платье – розовое, в клетку, с вырезом, по моде пятидесятых. Клянусь, у Бекки было точно такое же. Только крупные треугольные серьги выбивались из образа – алые,

чужие. Может, она из этих новых, «вэйверов»… а может, просто любит винтаж. В любом случае – всё это лишь усиливало иллюзию, разрыв времени.

Я увидел её лицо – и всё. Луна в полдень. Бледная, почти призрачная кожа, глаза – светлые, прозрачные, чуть растерянные. Та же чистота, то же ощущение юности. В один миг я будто вернулся в прошлое – туда, где был жив, влюблён, где всё только начиналось. Но нет, она не Бекки. Слишком широкое лицо, ниже ростом, хрупче. И вдруг – безумная мысль: она могла бы быть нашей дочерью. Той, которой у нас никогда не было. Она выглядела на тот самый возраст, каким могла бы быть – если бы жизнь пошла иначе. Я смотрел на неё и чувствовал… нежность. Смешное слово, да? Хотелось узнать её, спросить, как у неё дела, помочь, защитить.

Мы с Бекки детей не завели. Пытались – не вышло. А зря. Уверен, всё было бы по-другому. Я был бы другим. Не таким, как сейчас.

Она прошла мимо, не глядя, вошла в библиотеку. И сердце моё заколотилось. Я знал почему. Есть ли преступление страшнее, чем когда отец убивает своё дитя? Я ощутил холод – не страх, нет – чистый, звенящий адреналин. От ужаса и восторга одновременно. Попробовал вытеснить образ,

отмахнуться, но чем сильнее гнал мысли, тем отчётливее они становились. Да, я понимал, что она не моя дочь. Но идея пустила корни.

Надо прояснить одно: злые мысли – есть у всех. Это ещё не делает человека злым. Мы становимся злом лишь тогда, когда действуем. Понял? Желание – не грех. Действие – грех.

А я хотел действовать. Хотел быть злом.

Я пошёл за ней. В библиотеке она устроилась у стола в глубине зала, вытащила тетради. Я двинулся следом, делая вид, что выбираю книги. Она листала блокнот, постукивая ручкой по губам. Я прошёл мимо, почти касаясь плечом. Маленькая, хрупкая. Именно таких я всегда выбирал – не тех, кто способен дать отпор. Таких, кого можно поднять и втолкнуть в фургон. Молодых. Беззащитных. Детей я не трогал. Пока. Хотя, два года назад я бы поклялся, что не способен причинить боль вообще. Никогда не говори «никогда».

Я стоял за стеллажом, перелистывая книги, наблюдая за ней через щель между томами. Она улыбалась, рисовала что-то в тетради, погружённая в свои мысли. Счастливая. Может, влюблена. Когда она встала, я подкрался к столу и заглянул в её блокнот. Имя – Элис Брукс.

Я подождал минуту и пошёл за ней. Мы оказались вдвоём в узком проходе между полками. Она мельком взглянула – и тут же забыла о моём существовании. Неудивительно. Я умею быть невидимым. Не в мистическом смысле, просто я – никто. Средний возраст, среднее лицо, ни урод, ни красавец. Серые глаза, редеющие волосы, чуть седины. Обычный. Такие не вызывают тревоги. Со мной спокойно заходят в лифт, улыбаются в магазине – и тут же забывают. Привидение среди живых.

Она потянулась за книгой, я – за соседней. Мы стояли почти вплотную. Я наклонился, чувствуя запах её мыла, видя пушок на затылке. Сердце билось так громко, что, казалось, она услышит. В этот момент я был для неё – кошмаром, о котором она не знала. И от этого – кайф.

Так бывало всегда. Я подходил к своим жертвам близко, пробовал их – не физически, нет, эмоционально. Прислушивался к себе: подходят ли. Ведь если во мне поднималась ненависть – всё рушилось. Нет, нужно было любить. Хоть немного. Чтобы потом больно. Чтобы страшно. Чтобы по-настоящему. Тогда это не просто убийство. Тогда – зло. Чистое, настоящее.

Мои руки дрожали. «Нет, – подумал я, – не эту. Пощади её». Но сердце било так громко, что я понял – уже всё решил.

И всё же я положил книгу на место и ушёл.

На улице вечерел, становилось прохладнее. Я снова сел на ту самую скамейку – и стал ждать, пока она выйдет. Девочка, что могла быть моей дочерью.

«Элис», – прошептал я. И волна адреналина хлынула в кровь, будто сама жизнь вернулась ко мне на мгновение.

КОЛЬЦО

Руби уловила запах гнили и специй, понюхала свою рубашку; запах был повсюду. Она моргнула, выровняла дыхание, поняла, что идёт не в ту сторону, и остановилась. Она пыталась добраться домой от мистера Розенфельда. Она знала дорогу, это всего пара кварталов. «Соберись», – сказала она, пытаясь сосредоточиться, но её разум продолжал возвращаться к тому кольцу, к той *прекрасной песне* и тому, как замечательно она себя почувствовала, как сильно ей хотелось услышать это снова.

Она нашла свою улицу, затем свой дом и направилась к подъездной дорожке, голова наконец-то начала проясняться. Она прошла мимо машины матери и грузовика, затем споткнулась о что-то, ударившись о борт грузовика, чтобы удержаться.

Из-под грузовика раздался громкий крик, и выкатился парень её матери, Эдуардо , со следом смазки на щеке.

– Осторожнее! – рявкнул он. Он держал гаечный ключ и выглядел готовым ударить её им.

– Дерьмо, Эдуардо, какого чёрта ты высунул свои ноги там, где люди должны ходить?

– Убери свои лапы с моего грузовика!

Руби отступила, подняв руки. – Хорошо, мужик! Боже, не надо истерик. Я не повредила твою *Прелесть* .

Он вскочил и осмотрел грузовик, ища царапину. Он лиз-

нул пальцы, затем стёр отпечаток её ладони, отполировав это место нижней частью своей футболки.

Эдуардо купил грузовик около года назад – блестящий чёрный *Chevy Silverado 4x4* с большими грязевыми шинами. Он установил обязательные насадки на глушитель, *CB-радио* и держатель для ружья. С зеркала заднего вида висело пластиковое распятие, потому что, как выразился Эдуардо, он любил *ездить с Иисусом* .

– Видишь, – сказала она. – *Прелесть* в порядке. Никакого вреда.

Он шагнул вперёд, нависая над ней. Эдуардо был высоким, крепким в груди и корпусе, с чёрными волосами до плеч, зачёсанными назад со лба. У него была густая борода с небольшой сединой. Его размер был достаточно пугающим, но именно его тёмные, напряжённые глаза Руби находила наиболее тревожными, то, как они *впивались* в тебя. – Ты снова пропустила церковь.

Она пожала плечами. – Должна была помочь мистеру Розенфельду.

– Плохо выглядишь, прогуливаешь. Посещение воскресных занятий – часть твоего испытательного срока.

Это было не совсем так. Она согласилась на это как часть своего пребывания у матери. Но это была больше идея Эдуардо, чем её матери, и, конечно, это не имело никакого отношения к её испытательному сроку.

– Церковь важна, Руби.

Руби изо всех сил старалась не закатить глаза; она не хотела, чтобы это превратилось в одну из его проповедей. – Да, я знаю. Иисуса никогда не бывает слишком много. Верно?

– Не надо так, не пытайся выставить меня каким-то *чокнутым фанатом Иисуса* . Тебе нужно сострадание и поддержка, люди, которые будут держать тебя на правильном пути, а нет никого лучше, чем те, кто в Первой баптистской церкви. – Казалось, он задумался на мгновение, прежде чем добавить: – И Руби, Иисус в твоём сердце точно не повредит. Это я говорю по личному опыту, как ты знаешь.

Она знала, конечно, и прямо сейчас надеялась на Иисуса, что ей не придётся слушать, ещё раз, как Господь *перевернул* его жизнь. У Эдуардо была долгая история с выпивкой, кульминацией которой стало уголовное дело за вождение в нетрезвом виде, в результате которого мать из Дейлвилля осталась *инвалидом на всю жизнь* . Но Эдуардо не должен был жить с этой виной, потому что Эдуардо был *заново рождён* , и теперь вся его вина была на Иисусе. Руби подумала, как же это *прекрасно* , как же *чудесно* , должно быть, не нести ответственности за то, что ты полный *ублюдок* .

Но Руби не хотела думать ни о чём из этого прямо сейчас. Она хотела попасть в свою комнату и лечь; голова её *работала странно* . Поэтому она просто согласно кивнула и пошла прочь. Она сделала полшага, затем споткнулась, упала бы, но Эдуардо поймал её за руку, удерживая.

Он пристально посмотрел ей в глаза. – Ты *под кайфом* ?

– Что? Нет!

Затем он понюхал её, *действительно* понюхал.

Руби дёрнула руку. – Какого чёрта, Эдуардо? Господи, что с тобой не так?

– Это *марихуана* , которую я чувствую?

– Нет! Блядь, ты правда думаешь, что я настолько тупа, чтобы курить траву, когда у меня через пару дней тест мочи? Это просто старые, *заплесневелые* вещи, с которыми я помогала мистеру Розенфельду. – Она видела, что он ей не верит.

– Я серьёзно, Руби. Я обещал тому судье, что буду присматривать за тобой. Сказал ему, что прослежу, чтобы ты держалась подальше от наркотиков. – Казалось, он ждал от неё чего-то, *может быть, благодарности* , она не знала. – И ещё кое-что, я не позволю тебе приносить наркотики в этот дом. Не с Хьюго, живущим здесь. Нам это понятно?

Руби сдержала фырканье. Хьюго был его тринадцатилетним сыном; сыном, которого он имел вне брака с какой-то женщиной, которую встретил в баре. Руби точно знала, что Хьюго *курил траву* со своими друзьями всякий раз, когда им удавалось достать пакетик.

– Ладно, Эдуардо. Было здорово, но я иду внутрь. – Она направилась прочь.

– Твоя мать спит, – крикнул он ей вслед. – Она снова работает в ночную смену. Так что потише.

Руби проскользнула в дом, стараясь не дать москитной двери хлопнуть за собой, и направилась вниз. Подвал был

полузакончен, одна сторона – мастерская, полная старых инструментов её отца, другая – её спальня с небольшой примыкающей ванной. Руби перебралась сюда после смерти отца. Долгое время это было её *убежище* , но это закончилось около года назад, когда Эдуардо и его сын переехали наверх; теперь это больше похоже на *тюрьму* .

Руби вошла в свою комнату, прислонившись к комоду, голова её *плыла* . Ей показалось, что она снова слышит то странное пение, *красивое и скорбное* . Она вздрогнула, попыталась отмахнуться от этого. Она хотела принять душ, хотела смыть с себя этот странный запах, хотела *смыть весь этот опыт* . Она стянула рубашку через голову, расстегнула джинсы, спустила их до колен, как вдруг раздалась вспышка яркого света.

– Что? – вскрикнула она, испугавшись, затем услышала громкое фырканье.

Хьюго стоял прямо за её дверью, свой *Полароид* в руке, с *подлой* ухмылкой на лице. Он был похож на маленькую пухлую версию своего отца, те же чёрные волосы до плеч, бороды, конечно, не было, но те же тёмные, напряжённые глаза. Он вытащил фотографию из камеры и помахал ею. – Попалась!

– *Ублюдок!* – Она прыгнула на него, забыв, что штаны у неё на лодыжках, и *грохнулась* на пол, пока он, смеясь, бежал вверх по лестнице.

Руби даже не стала искать свою рубашку, просто натянула

джинсы и в одном бюстгальтере бросилась за ним.

Он добежал до своей комнаты и захлопнул дверь. Она попыталась открыть её, но она была заперта. – Отдай мне эту фотографию, Хьюго! *Сейчас же, чёрт возьми!*

– Какую фотографию? – сказал он.

– Хьюго, открой дверь. Открой *чёрт-возьми* эту дверь, *мелкий засранец* ! Если ты не откроешь эту *сраную* дверь прямо сейчас, я *размозжу твою сраную голову!*

– Что происходит? – раздался громовой голос.

Руби подпрыгнула, обнаружив Эдуардо в конце коридора, *сверлящего* её взглядом.

Дверь распахнулась, и Хьюго выскочил, проскользнув мимо Руби. Он подпрыгнул к отцу, обняв его за талию. – Папа! Папа! – крикнул он. – Держи её подальше от меня!

Дверь в конце коридора открылась. – Что за шум? – Это была её мать, Марта, в пижаме, щурясь от света. – Кто-то лучше пусть умирает, иначе я устрою вам всем *ад* .

– Она напала на меня! – закричал Хьюго, указывая на Руби. – Пошёл вниз за отвёрткой, и её дверь была открыта. Не хотел заглядывать. Клянусь! Она увидела меня и просто начала визжать. Преследовала меня по лестнице. Глаза у неё были *безумные* . – Он разрыдался. – Я думал, она собиралась ударить меня, папа. *Серьёзно* ударить.

– *Ты чёртов лжец!* – закричала Руби. – Этот *мелкий извращенец* сфотографировал меня!

– *Неправда!* Нет! Это *она* лжёт.

– Где эта *чёртова* фотография? – закричала Руби, делая шаг к нему. Хьюго заскулил и спрятался за отцом.

– Тебе лучше успокоиться, – сказал Эдуардо, шагая вперёд.

– Где она, *маленький ублюдок* ? – закричала Руби.

– Хорошо, хорошо, Руби, – сказала Марта. – Хватит ругаться. – Она посмотрела на Руби. – Где твоя рубашка?

Руби было *плевать* на этом этапе.

– Может быть, если бы она держала свою дверь закрытой, – сказал Эдуардо. – Такого бы не случилось.

– Руби, почему бы тебе просто не держать дверь закрытой.

У Руби отвисла челюсть. – Ты *шутишь* со мной, мам?

– Ты сегодня приняла свою таблетку?

Руби отшатнулась, словно её ударили. – Мам… он сфотографировал меня, когда я раздевалась. – Руби ждала. – Ты *правда* не собираешься поддержать меня в этом?

Её мать опустила глаза, потёрла лоб. – Я просто не могу справиться ни с кем из вас прямо сейчас. Мне нужен сон, иначе я буду бесполезна сегодня ночью. Руби, пожалуйста, просто держи свою дверь закрытой. Ты можешь это сделать для меня?

Руби почувствовала *укол слёз* . – Мам!

Марта вернулась в свою комнату и закрыла дверь, оставив Руби дрожать в коридоре.

– Послушай меня, – сказал Эдуардо низким, резким тоном. – Я знаю, что у тебя есть эмоциональные проблемы, но

нападать на моего мальчика – эту черту ты не захочешь пересекать. Твой испытательный срок заканчивается на этой неделе, но это не снимает с тебя ответственности. Ты тронешь Хьюго, даже посмотришь на него *неправильно* , и я позвоню им. Третье нарушение – и ты выбываешь. Ты понимаешь, что я имею в виду? И если ты забыла, я в хороших отношениях с ребятами на участке. Один звонок от меня, и тебе снова предъявят обвинения.

Руби очень хорошо это знала, потому что Эдуардо упоминал об этом при любой возможности. Отец Эдуардо только что вышел на пенсию из полиции, и теперь его брат Карлос был заместителем шерифа. Эдуардо работал бы там же, если бы не его судимость.

– Ты меня слышишь? – сказал Эдуардо.

Хьюго стоял позади отца и *мерзко* улыбнулся Руби, затем *высунул язык* , *похотливо* облизывая воздух.

Руби почувствовала, как *ярость* накрывает её, *размывая края* зрения, и знала, что это такое. *Отпусти, Руби. Отпусти. Он того не стоит.*

Она начала дрожать, уловила лёгкую ухмылку в углу рта Эдуардо, могла видеть, что он просто надеялся, что она сорвётся, что даст ему повод позвонить им, чтобы её отправили в психиатрическую больницу .

Она сжала руки в кулаки ярости, *сверля* Хьюго взглядом.

Нет , – подумала Руби. – *Не делай этого. Не дай им победить.* Медленно она разжала кулак и показала обоим сред-

ний палец. – *Пошли к чёрту!* – выплюнула она, проталкиваясь мимо и топая обратно вниз по лестнице.

***

Руби вошла в свою комнату и *до чёртиков* убедилась, что дверь закрыта: она захлопнула её, заперла на ключ, а затем пнула для верности.

Она схватила наушники и надела их. На её полках стояло не меньше сотни альбомов и кассет. Она схватила первую попавшуюся кассету Joy Division и сунула её в плеер – *Joy Division* были её палочкой-выручалочкой всякий раз, когда она хотела *погрузиться в жалость к себе* , а сейчас она этого *очень* хотела.

Руби закрыла глаза, тоскуя вместе с Иэном Кёртисом, находя немного утешения в сочувствии к бедам бытия, как вдруг где-то на фоне мелодии она услышала хор , не тот, что в песне, а тот, что *от кольца* . Глубокий, почти восторженный озноб пробежал по её позвоночнику. Она открыла глаза, моргая, кожа покрылась мурашками. Она огляделась, словно *глаз* мог быть с ней в комнате, приподняла наушники, прислушиваясь, но слышала только себя и шипение кассеты.

– Боже, – сказала она, схватила свой скетчбук, желая, *нуждаясь* в чём-то, на чём можно сосредоточиться. Она пролистнула несколько своих старых рисунков, в основном персонажей из любимых книг. Она нашла чистую страницу

и начала рисовать, беспорядочно чертить, но теперь мистер Розенфельд не выходил у неё из головы. Что случилось с тем кольцом? И та книга, которую он держал? Он *читал заклинание* ? Ещё что-то из его дурацких *дьявольских* штучек? Чем сильнее она пыталась вспомнить, тем туманнее становился её разум. Она потёрла висок, пытаясь оставаться *здесь и сейчас* . Он просто *впадает в маразм* , вот и всё. Люди страннеют, когда их разум начинает сдавать.

Снова она увидела тот печальный взгляд, который он бросил на неё, когда она уходила. *Я помогу тебе, Джош. Мы отвезём твои вещи в Атланту. Обещаю. Просто… как только мне станет лучше* .

Joy Division подошёл к концу. Руби сменила кассету, и рёв глушителей заполнил её наушники, когда *The Cramps* зарычали, а терзающая гитара Пуазон Айви (Poison Ivy) повела за собой.

У Руби на стене висела глянцевая фотография Пуазон Айви. Айви, искривившая губу в рычании, словно ей было *абсолютно плевать* . Руби обнаружила, что её собственные губы кривятся в рычании, когда она смотрела на фотографию, желая иметь хоть унцию того, что было у Айви.

Руби отложила скетчбук и взяла свой бас, потрёпанный *Vox Hawk* со встроенным *фаззом* , который она раздобыла в комиссионке на Ракер-Бульваре. Выглядело так, будто им *черпали гравий* , но играл он отлично. Руби считала, что неплохо играет на гитаре, но бас был тем, в чём она *блистала*

. Она расположила пальцы на струнах и начала перебирать. Она играла эту песню тысячу раз, и ей потребовалась всего секунда, чтобы подхватить ритм, найти *грув* , наслаждаясь ощущением того, как струны *впиваются в кончики* её пальцев; это был один из моментов, когда она была благодарна за свои длинные костлявые пальцы. Она закрыла глаза и *потерялась в фантазии* о том, что она на сцене со своей любимой группой.

Песня закончилась, Руби нажала перемотку, собиралась проиграть её снова, когда её внимание привлёк рисунок. Она уставилась на скетчбук, на свои каракули. Она склонила голову и моргнула – *там что-то было* , в этих линиях. Она отложила бас и присмотрелась. Паутина каракулей ненадолго расплылась, а затем собралась воедино.

Она ахнула.

Глаз , пульсирующий, словно он был *живым* , смотрел прямо на неё, и песня , та, что *от кольца* , подкралась к ней, мягко дрейфуя вокруг, как *колыбельная* . Её веки отяжелели, когда её накрыла волна усталости.

Скетчбук выскользнул из её руки.

Руби легла, и блаженная улыбка расплылась по её лицу, когда она *уплывала* .

Это я, Ричард.

Я впитал это чувство, этот всепоглощающий прилив вос-

торга . К тому моменту, как тебе стукнет пятьдесят два, ты научился распознавать *золотые моменты* . Присутствовать в них. И… ах, какое слово? Смаковать. Да, вот оно. Смаковать их.

– Всё прошло хорошо, – сказал я, глядя на ужаснувшееся лицо в зеркале заднего вида. – Ты так не думаешь?

Лицо принадлежало Элис Брукс , молодой женщине из библиотеки, *моей дочери на эту ночь* . Я не ожидал, что она ответит, она не могла, её рот был заклеен скотчем. К тому же, она выглядела немного *одурманенной* . Я применил удушающий приём – трюк, которому научился на уроках борьбы в старшей школе, просто перекрыв приток крови к мозгу примерно на тридцать секунд. Они отключаются всего на минуту, но обычно мне этого хватало, чтобы затащить их в фургон.

– Я имею в виду, удача была со мной, – продолжил я. – Но она обычно со мной.

Я проследил за ней до её квартиры на первом этаже недалеко от кампуса, припарковал фургон прямо перед домом, а затем дождался темноты. Там было много кустов, так что я подкрался и понаблюдал, как она смотрит телевизор, убеждаясь, что она одна, и всё такое. Когда она встала и пошла в ванную, я вошёл через парадную дверь. Просто вошёл. Она даже не была заперта. Когда она вернулась, я схватил её. *Победа, победа, индейка на обед* .

– Ты бы, наверное, подумала, что карма, или Бог, или во

что ты там веришь, захочет *подставить мне подножку* . Верно? Но, клянусь, это как будто *Бог на моей стороне* . Или, может быть, Дьявол ? Ты думаешь, Дьяволу есть до этого дело, чтобы помогать? Это заставляет задуматься… не так ли?

Она смотрела на меня, её глаза были широко раскрыты и полны слёз. Было видно, что для неё ничто не имеет смысла. Я сочувствовал ей – всего полчаса назад она сидела на диване и смотрела *«Весёлую компанию»* (Cheers), а теперь вот она, связанная на заднем сиденье моего фургона, направляется *Бог знает куда* .

– Уже не так далеко, Элис, – сказал я.

Она вздрогнула, когда я произнёс её имя.

– Я так скучал по тебе. Ты знаешь об этом? Действительно с нетерпением жду возможности наверстать упущенное.

Она моргнула, словно не расслышала меня.

– Я был немного *нерадив* … как отец. И мне плохо от этого. Правда. Но я намерен исправить это сегодня ночью.

Её лоб напрягся, и она покачала головой. Казалось, она очень хочет что-то сказать.

– Нет, я не хочу ничего из этого слышать. Ты, может, и не по крови, но это не значит, что ты не моя дочь. Нет, мэм. Потому что, несмотря на всё это, я всё равно испытываю к тебе те же чувства, что и к той, что родилась *от моего семени* . Действительно. Ты особенная для меня, и я хочу, чтобы ты это знала.

Я нашёл съезд – старую грунтовую дорогу, по которой я

раньше ездил на рыбалку. Там ничего, кроме болота и ещё большего болота. Я съехал с шоссе и направился в лес, мои фары освещали болотную траву, пока мы подпрыгивали по разбитой дороге. Я ехал медленно, из-за ухабов, но даже так глубокая колея опрокинула мой мешок с инструментами с громким *лязгом* ; молоток, пила, ручная дрель, пара ножниц и несколько других предметов рассыпались по полу.

– Осторожнее, – сказал я настолько *по-отечески* , насколько мог. – Берегись. Эти инструменты очень острые.

Она бросила на инструменты испуганный взгляд, словно только сейчас *увидев* их, *по-настоящему увидев* .

– И если тебе интересно, дорогая Элис. Нет, твой старик не занялся плотницким делом. Они для моего нового хобби . Того, которым я очень ждал возможности поделиться с тобой.

Тогда я услышал её крик, даже сквозь скотч, её лицо покраснело.

Я не нашёл то место, о котором думал, но нашёл другое, которое казалось не хуже. Это была не более чем тропа, но она привела меня прямо к болоту. Я выключил фары и заглушил двигатель.

Я оглянулся и увидел, что Элис *поникла* . Решил, что она, должно быть, *перенервничала* и потеряла сознание. Это нормально, я не против подождать, пока она очнётся. Я никуда не спешил.

Я опустил окно; слушал жуков и лягушек-быков. Отку-

да-то поблизости донёсся рёв *булькающего аллигатора* . Здесь было много аллигаторов. Что хорошо, так как аллигаторы – *эксперты по избавлению от тел* .

С заднего сиденья донёлся тихий *стон* . Я закрыл глаза и впитал это, это хорошее чувство. Как я сказал, люди моего возраста учатся *смаковать золотые моменты* . И то, что я собирался сделать, будет очень *плохо* … но *так хорошо* .

Песня несла Руби над заснеженными горами, вниз, в долину пышной травы, сквозь высокие деревья и в широкую, открытую поляну. Всё было *золотым и ярким* , мир, который пах мёдом и нектаром . Это был *рай на земле* , это была радость и истинная принадлежность, это было *всё* , чего когда-либо желала или в чём нуждалась её душа. И там, в сердце поляны, парило простое золотое кольцо , а на кольце – глаз .

Песня исходила от кольца, зовя её, сладко напевая её имя. *Руби* .

– Да, – ответила она, шагнув вперёд.

Руби .

Она протянула руки, желая лишь *слиться с ним* .

Руби .

Она обняла его, закрывая глаза, пока песня омывала её, проникая внутрь, наполняя её *бесконечным блаженством* .

Вот только… нет.

Что-то было не так.

Она открыла глаза.

Где она?

Она моргнула.

Кольца не было.

Песни не было.

Она моргнула снова.

Она была в своей комнате, на своей кровати.

Она села, песня всё ещё отдавалась эхом в её ушах, оглядела комнату, ища кольцо, надеясь, *нуждаясь* в том, чтобы найти его.

Она не нашла кольца.

На улице было темно. Она взглянула на часы – одиннадцать вечера. Ей было интересно, почему она всё ещё в одежде и обуви, почему оставила лампу включённой. Она заметила каракули наброска, увидела внутри глаз, *не могла больше его не видеть* . Голова её начала *плыть* , песня шептала её имя откуда-то издалека – *звала её* .

– Хорошо, – сказала она, не уверенная, бодрствует ли она или всё ещё во сне. – Я иду. – Она встала, открыла дверь и направилась к раздвижной стеклянной двери. Это был подвал с выходом на улицу, и она сделала именно это, выйдя в ночь и зашагав по улице.

Ночь *ожила* насекомыми, их песня смешивалась с песней кольца. Она подумала о том, чтобы срезать путь через лес, но решила, что это будет плохой идеей, потому что *призраки*

были там, и она знала с уверенностью, что они тоже слышат песню, что *все мёртвые существа* могут её слышать. Она знала это, потому что песня сказала ей об этом.

– Ещё один взгляд. Только и всего. Ничего больше, – пообещала она себе, зная, что иначе кольцо *никогда не даст ей заснуть* .

Жабы отпрыгивали с её пути, когда она проходила под уличными фонарями. Прибыв к дому Пэм, она колебалась мгновение, зная, что это *неправильно* , *нехорошо* , но всё равно направилась к трейлеру.

Она поднялась на маленькое крыльцо и заглянула внутрь. Единственным светом был свет от телевизора. Она видела, что мистер Розенфельд спит, свернувшись калачиком под одеялом на диване.

Она должна постучать, должна спросить Джоша, можно ли войти, можно ли снова посмотреть на кольцо. Вместо этого она вынула ключ из кармана и впустила себя . Но это было нормально, потому что всё это был *сон* , и во сне можно делать всё, что захочешь.

По телевизору шёл Джон Уэйн ; звуки бурной драки в баре прикрывали Руби, пока она кралась к приставному столику.

Только взгляну, и уйду , – пообещала она себе. *Никто никогда не узнает* .

Она открыла ящик – *коробки там не было* . Она оглядела все коробки, зная, что она может быть где угодно. Она почувствовала прилив паники, затем услышала, как кольцо

сладко зовёт её.

Руби склонила голову так, потом эдак – песня, она исходила с дальнего конца дивана. Она подошла и опустилась на колени, приподняв *юбку* дивана, и да, конечно, *оно было там* .

Она выдвинула коробку из-под сигар, просто держала её мгновение, *смакуя её обещание* .

Она открыла её, и пение стало громче; она была уверена, что это разбудит старика, но он не шелохнулся.

Она развернула бархат, обнажая бронзовый футляр. Она взяла его, ожидая его *приветственного тепла* , но он был холодным на ощупь. Она начала открывать его, как вдруг услышала голос, знакомый голос. Нет! – звал он, но его было трудно расслышать из-за песни. Снова, НЕТ! Это был её голос, она была уверена, но *такой далёкий* . Он *умолял* её опустить футляр, оставить его, *бежать!*

Всё в порядке , – напомнила себе Руби. – *Это просто сон, во сне тебе ничто не может повредить* .

Она открыла его, и там, простое золотое кольцо, обернутое вокруг *мумифицированного пальца* . Только теперь на кольце было *покрытие* – красная субстанция , словно его облили свечным воском.

Руби нахмурилась. Она хотела, *нуждалась* в том, чтобы увидеть кольцо, увидеть *обещание его древнего золота* , *магический* , *таинственный глаз* . Медленно она поднесла к нему палец.

Снова её голос кричал из глубины: *Уходи! Беги!*

Руби ткнула кольцо.

Ничего не произошло, *никакого магического глаза* , чтобы поприветствовать её на этот раз. *Что не так?* – ужаснулась она при мысли, что, возможно, мистер Розенфельд каким-то образом *убил* его. Прилив гнева на старика охватил её.

Она потёрла воск, но тот сопротивлялся. Она начала *соскребать* его ногтем, сначала осторожно, затем яростно. Она была вознаграждена *блеском золота* . Она продолжала скоблить, открывая всё больше и больше кольца. Песня становилась громче, *чище, чем когда-либо* , и кольцо стало *тёплым* на ощупь, затем *горячим* .

Стой! – кричал ей её голос.

Руби лишь улыбнулась, потому что песня была *прекрасной* – мёд и нектар, рай на земле – и почему она должна бояться *рая на земле* ?

Она соскребла последний кусок воска, обнажив *лицо* кольца, глаз .

Это такой прекрасный сон , – подумала она.

Кольцо изменилось, ободок превратился в *паучьи отростки* , вытравленный глаз *выпятился* , оживая. Глаз медленно открылся, *уставившись на неё* , его чёрный зрачок расширился до *тонкой щели* . Собственный голос Руби исчез; была только песня и её блаженное обещание .

Паучьи лапки развернулись, *отпуская* мёртвый палец и *медленно* , *нежно* ползя вверх по её дрожащей руке, затем к

среднему пальцу. Оно село на место и сжалось . Глаз закрылся, песня утихла, глаз медленно снова превратился в кольцо.

Крики Джона Уэйна: « *Паника!* » донеслись до Руби, громко и ясно.

Она моргнула, надолго закрыла глаза, снова открыла.

Кольцо всё ещё было там, но где был мёд и нектар, бесконечное блаженство? Она чувствовала только запах *затхлых* коробок и специй, смешанных с *грязными носками* и *запеканкой из тунца* .

– О, чёрт, – прошептала она, оглядывая трейлер, теперь всё было в резком фокусе. – Это не сон.

Мистер Розенфельд что-то пробормотал и потянул одеяло.

Руби посмотрела на кольцо, *ужаснувшись* , схватила его и потянула.

Оно не сдвинулось.

Она издала *стон* и потянула сильнее, *крутя* . Кольцо всё ещё не снималось, и чем сильнее она тянула, тем сильнее оно *сжималось* , впиваясь в её кожу. – *Ой!*

– Хм? – пробормотал мистер Розенфельд.

Руби знала, что если Джош увидит её сейчас, будет выглядеть, будто она *ворует* у него. Она не могла вынести этой мысли. Она бросила футляр в коробку из-под сигар и засунула её обратно под диван.

– Кто здесь? – спросил мистер Розенфельд.

Руби поднялась на ноги, *выскользнула* и вышла за дверь

как можно тише, осторожно закрыв её за собой. Она оглянулась через окно. Мистер Розенфельд перевернулся и, казалось, снова спал.

Руби направилась к улице, *дёргая* и *крутя* кольцо, пока спотыкалась по дороге. Ночь казалась *живой* , не только жуки и жабы, но… но что? Шепот , она слышала *шепот* , доносящийся отовсюду.

Руби бросилась бежать.

ЛОРД ШИЛЕБЕТ

Глаз на кольце, том, что на руке Руби, медленно открылся. Лорд Шилбет моргнула, и глаз на кольце тоже моргнул. Всё было расплывчато; она моргнула снова, и комната сфокусировалась. Лорд обнаружила, что видит одновременно и комнату Руби, и своё адское убежище, поэтому закрыла глаз в своей голове, чтобы лучше сконцентрироваться на женщине.

Руби лежала на кровати, казалось, спала, но едва, беспокойно бормоча и ворочаясь. Лорд Шилбет ждала, пока её дыхание замедлится, так как всегда было легче овладеть ими в глубоком сне, когда их разум был наиболее уязвим.

Алый глаз на кольце метался туда-сюда, пока лорд осматривала многочисленные постеры, пластинки, бас-гитару, плюшевые игрушки, наконец, остановившись на лавовой лампе, ненавидя то, как её красное свечение имитировало её собственную огненную темницу.

Наушники Руби висели на её запястье, и лорд могла слышать музыку, доносящуюся из маленьких динамиков. Она находила этот звук раздражающим, как жук, которого нужно раздавить. Тем не менее, она не могла не восхищаться чудесами этой эпохи. Она видела многое, пока тот человек, Адам, носил кольцо, достаточно, чтобы понять, что в этом веке появилась новая магия – магия, которую даже самый обычный дурак мог сотворить, щёлкнув выключателем, что человечество научилось собирать молнию, может показать

тебе мир через стеклянный ящик, может приводить в движение металлические повозки по дорогам без лошадей. Когда она в последний раз ходила по земле, люди всё ещё сражались мечами и копьями. И всё же, несмотря на весь их прогресс, они, кажется, мало осведомлены о более глубокой магии вокруг них, забыли многое с её эпохи, и именно на эту потерю знаний Лорд Шилбет рассчитывала.

– Они понятия не будут иметь, кто я, – сказала она себе. – Будет легко спрятаться среди них, питаться незамеченной, – *Легко* , – прошептала она, но даже сказав это, покачала головой. – Нет… для меня ничего никогда не было лёгким… не для меня.

Она позволила своим мыслям блуждать, восхищаясь тем, что вообще пережила собственную мать. Её мать была лилитом, а её отец – ангел в высоком положении у Бога, но дурак, соблазнённый плотскими чарами, дурак, который рискнул всем, чтобы быть с лилитом. Бог поразил их обоих на её глазах.

– Надеюсь, та сучка того стоила, Отец, – Она поморщилась. – По крайней мере, я была избавлена от лилита. Сирота, да, но моя мать съела бы мою душу.

– Я пережила всё это. Пережила, потому что я боец, потому что я умна. Потому что я щедра и добра к тем, кто служит мне, но в основном я пережила, потому что могу быть дикой, очень дикой, когда это необходимо.

Она знала, что дело не только в этом. Что мир был более

диким местом, когда она была молода, что по доброй земле бродили боги, духи, монстры и демоны всех сортов, больше, чем Бог и его кровожадные ангелы могли уследить. Что люди, особые дети Божьи, были особенно восхитительным лакомством. Что это было лёгкое время для дочери лилита, чтобы разжиреть.

Она питалась, и её сила росла, и вскоре она господствовала над своим небольшим королевством, Лорд Шилбет из Хушета, изолированного региона в Кавказских горах. Некоторые называли её богом, другие – демоном, ей было всё равно, пока у неё были поклонники – мужчины и женщины, готовые пожертвовать своей кровью, даже кровью своих детей, ей. И они делали это, они держали её хорошо насыщенной, потому что под её правлением, её защитой, земля и люди процветали. Вскоре не осталось больше великанов, драконов или других монстров, чтобы досаждать им, и соседние королевства, кланы и племена, бандиты и мародёры, не смели посягать или причинять вред кому-либо из её людей, все слишком хорошо зная цену её гнева. И хотя её репутация убийцы была заслуженной, она считала себя целителем, ибо она давала взамен преданным, используя свою силу, своё знание магических искусств, чтобы исцелять их от болезней и недугов, исцелять своих воинов от ран.

По крайней мере, пока не пришли Баалей Шем. Она усмехнулась, обнажив свои маленькие заострённые зубы.

– Нет, я не буду проигрывать это снова, я достаточно себя

истязала, – И всё же, даже когда она сказала это, она увидела их, тех людей в их нелепых остроконечных шляпах, кланяющихся ей, воздающих дань уважения подарками вина и мёда. – Они победили меня… не через моё тщеславие, ни через мою жадность, а играя на моей доброте, моей щедрости. Это моё благодеяние подвело меня.

И глаз в её голове, и глаз на кольце вспыхнули.

Они пришли, умоляя её изгнать злого духа, который досаждал их каравану. Но всё было притворством, ловушкой, это были крестоносцы Божьи, и ангелы ждали, чтобы устроить ей засаду. Она осмотрела культю своего недостающего пальца.

– И когда всё было кончено, я потеряла своё кольцо, свой палец, свой глаз, и… свою свободу, – Она оглядела закопчённые, расплавленные стены. – Оставленная гнить здесь среди дьяволов и демонов и потерянных богов. Я была дурой… но никогда снова, никогда снова я не подставлю своё брюхо под их ножи.

Она потёрла культю пальца, заставила себя улыбнуться.

– Хватит погрязать в прошлых ошибках и предательствах. Что сделано… то сделано. Я буду свободна от этого ада скоро, свободна от этой мерзкой земли враждующих демонов, все ползают на животах, чтобы умилостивить Люцифера. На этот раз я буду созданием теней . Я буду питаться детьми Божьими незамеченной, становясь всё сильнее, выжидая своего часа, пока не наступит день, когда эти люди отказались от

Бога, и Бог отказался от них. Тогда, тогда я восстану и насыщусь их гниющими душами.

Дыхание Руби стало поверхностным, и Лорд Шилбет вернула своё внимание к своей яме, к Билу. Он сидел на камне, уставившись в грязь. Она на мгновение задержалась, чтобы изучить его. На земле, Билл был бы духом, теневой субстанцией, но он, как и большинство духов и душ, здесь, в подземном мире, стал физическим, приняв свою истинную форму. То, что она видела сейчас, было тем, каким Бог оставил его, серым долговязым существом без отличительных черт – скульптурой в процессе создания. Его глаза были бледными щелями, укрытыми в глубоких глазницах. У него был безгубый рот, маленькие круглые отверстия вместо ушей, десять пальцев на руках и ногах, но не было волос, не было признаков гениталий. Тем не менее, его голос и манеры были бесспорно мужественными. Было очевидно, что Бог намеревался сделать его каким-то человекоподобным существом, помимо этого было трудно сказать.

– Какова была цель Бога с тобой? – в тысячный раз задавалась она вопросом. – Замена его любимому человечеству? Неужели Бог был недоволен своими детьми-людьми даже тогда?

Шедим никогда не были многочисленны, но когда земля была очень молода, их можно было найти. Но между ангелами, демонами, Баалей Шем и другими магическими народами, охотившимися на них, Лорд Шилбет сомневалась, оста-

лись ли ещё кто-нибудь. Она была уверена, что если бы не спрятала Била, то и Билл был бы уничтожен.

– Как это, Билл? – задавалась она вопросом. – Когда твой Бог отбрасывает тебя, потому что считает тебя недостойным завершения? Что даже ничтожный личинка более достоин в его глазах, чем ты?

Лорд Шилбет подплыла к Билу; шейд съёжился.

– Твой страх неуместен. Я твой спаситель. Ты это знаешь. Разве не я спасла тебя от демонов?

Она ждала; ничего от него.

– Но более того, наши судьбы связаны. То, что хорошо для тебя, хорошо и для меня. Ты знаешь, что это правда.

Билл отвернулся от неё.

– Зачем держать обиду, как какой-то капризный ребёнок? Мы уже проходили это… огонь… он был необходим. Он очистил твою душу, очистил тебя от твоей слабости. Дал тебе силу преодолеть твоё замешательство, твоё безумие. На этот раз не будет никаких вольностей, обещание пламени будет держать тебя на верном пути.

Всё ещё Билл не хотел смотреть на неё.

– Ты не хочешь быть свободным? Ты не можешь быть свободен без меня, как и я без тебя.

И это была болезненная правда для Лорд Шилбет. Она могла загипнотизировать девушку, заставить её совершить несколько мелких действий, например, прикоснуться к кольцу, но Шилбет не хватало силы, чтобы заставить душу сде-

лать что-то против своей воли, особенно что-то вроде убийства. Для этого ей нужно было полное обладание, а чтобы быть в полном обладании, ей нужен был шейд.

– Билл… хватит этого. Мы должны работать вместе, если хотим сбежать. Теперь, иди со мной.

Лорд Шилбет направилась прочь, остановившись в арке, ожидая шейда. На мгновение она задумалась, понадобится ли ей снова применить огонь. Она ненавидела эту мысль, ненавидела необходимость пытать эту бедную душу дальше. Но сейчас было не время для мягкости. Это мог быть их самый последний шанс. Если шейд неспособен сделать то, что должно быть сделано, то она должна быть сильной за них обоих. *Он будет благодарен однажды* .

К её облегчению, Билл наконец встал и последовал за ней в смежную камеру.

Лорд Шилбет вошла, проталкиваясь сквозь стаю извивающихся тварей, существ с гниющими, длинными сегментированными телами, и трупными головами обезьян и шакалов. Они шипели и скользили с её пути, когда она поднялась на большую каменную платформу и заняла своё место на троне из грубо высеченных валунов, печальной имитации её великого трона в Хушете – тот был сделан из золота и украшен черепами её врагов.

– Барабанщики, – позвала Лорд Шилбет. – Сюда, ко мне.

Шесть сгорбленных существ засуетились из теней. Это были обычные демоны, каждый размером с шимпанзе, все

выглядели так, словно Сатана насмехался над Божьими творениями, мешанина земных зверей, собранных самым отвратительным образом. Некоторые с рыбьими головами на куриных телах, другие с козьими головами на жабьих телах, пара с грустными лицами, смотрящими из животов и промежностей, глазами на локтях и коленях, коровьими хвостами и рыбьими плавниками, рогами и волосами, чешуёй и гусиной кожей. Они были сбежавшими рабами – отбросами Люцифера. Лорд Шилбет заманила их в своё логово, поймала в ловушку и заставила выполнять свои приказы. Она находила их простыми, злыми тварями, которые понимали мало что, кроме жестокости и боли, легко поддающимися контролю с помощью её заклинаний и огненных змей.

– К своим барабанам, – приказала она, и все демоны, кроме одного, заняли места за кругом обугленных барабанов. Последний, долговязое, ящероногое существо с закруглёнными рогами и головой, полной огненных волос, отстал, его крошечные жёлтые глаза были жалостливыми.

– Вутто, – рявкнула Лорд Шилбет. – К своему барабану.

– Я голоден, – заныл он. – Умираю с голоду.

– Ты поешь после того, как сыграешь.

– Может быть, я сыграю лучше, если поем до этого.

Другие демоны уставились на него, ужаснувшись, их глаза умоляли его молчать.

Лорд Шилбет поставила руки на бёдра.

– Вутто, ты знал, что мои питомцы тоже голодны?

Вутто скосил глаза, как те, что на лице, так и те, что на груди, в сторону пылающих змей. Он фыркнул и поплёлся к своему барабану.

Лорд Шилбет вернула своё внимание к шейду.

– Билл, сюда, предо мной, – Она жестом указала на большой обтёсанный камень у своих ног.

Шейд поволокся и сел.

Лорд Шилбет кивнула барабанщикам, и они начали выбивать медленный, ритмичный бит. Лорд откинулась назад, отпуская себя, позволяя ритму успокоить её. Медленно ритм нарастал, вибрации находили червей, звали их всех, даже тех, кто был в глубоком сне.

Она почувствовала, как они шевелятся, некоторые в её плоти, другие глубоко внутри её тела, почувствовала, как они корчатся, ползут к звуку. Она оттянула в сторону свой халат, обнажив большую рану в животе, и её встретила извивающаяся масса красных червей.

– Привет, дети, – сказала она.

Они ответили на её голос, подталкивая к ней свои головы, и на каждом черве – лицо, крошечное человеческое лицо – мужчин, женщин и даже детей – кричащее, чтобы их удостоили её взгляда.

Лорд Шилбет начала скандировать под барабаны, затем петь, голосом ангела , так похожим на голос её отца.

Её родители оставили ей много даров. От матери, лилита, пришла тёмная магия и искусство пить души из живых. От

отца, ангела, пришла чистая магия. Она сплетала их дары в песни, песни в магию, магию в заклинания, потому что заклинание было просто словами без магии.

Черви начали подпевать Лорду Шилбет, и она почувствовала покалывание в руках. Их голоса поднимались, сливаясь воедино, превращаясь в хор. Покалывание стало дрожью, которая пробежала по её рукам, в грудь; её сердце застучало.

Их голоса объединились, и их песня росла, оживая с пылом и энергией, со страстью, и эта страсть, это повышенное состояние, было ключом к воплощению заклинаний. Любая страсть могла сработать, это могла быть ненависть, или ярость, или страх, но ничто не было мощнее любви – песня, спетая от сердца, превзошла бы все остальные. Поэтому она пела им о любви.

И черви пели о своей любви к ней.

Большинство этих душ отдались добровольно, поклонники из ушедшей эпохи, которые пожертвовали собой ей, своему богу, некоторые умоляя об чести, шансе провести вечность, служа ей. И даже те, кто был украден, высосан из своих тел, когда она истощала их жизнь, даже те пели ей, надеясь умилостивить её, надеясь заслужить её благодать. Ибо теперь она была их единственной истиной, их вечностью, их богом, их раем и их адом.

Песня продолжала нарастать внутри неё, пульсировать и трепетать, пока ей не потребовалось всё её усилие, чтобы сдержать её.

– Сейчас, Билл! – крикнула она, когда песня отдалась эхом от скалистых, закопчённых стен. – Дай мне свою руку.

Он поднял руку, и она схватила её.

Оба её глаза, здесь и на кольце, были широко открыты, оба светились огненно-красным. Тот, что на кольце, освещал комнату Руби.

– Возьми её! – закричала лорд, высвобождая заклинание в Била.

Билл издал свой собственный крик и начал смягчаться, его тело таяло в дыму, заклинание и дым сливались воедино. Дым закружился в глазу лорда. Она чувствовала боль Била, слышала его стоны, когда он был направлен в царство живых, последний далёкий крик, когда его втолкнули в кольцо.

Лорд Шилбет закрыла глаз в своей голове, концентрируя всю себя на другом, на кольце. Кольцо выпустило крошечные клыки и вонзило их в плоть Руби.

Руби издала стон, но не проснулась.

Теперь всё зависело от Била. Лорд Шилбет не могла заставить шейда войти в женщину; заклинание должно было протолкнуть его в земное царство, в кольцо, не в женщину. Только Билл мог овладеть ею, это был его маленький трюк – дар быть незаконченной душой, способность делить любое тело с другой живой душой, принимать её форму.

– Теперь, Билл, – торопила Лорд Шилбет. – Поторопись… пока она не проснулась.

Билл не ответил.

Что он делает? Она задавалась вопросом, не потерялся ли он снова, не блуждает ли его разум, как когда он видел птицу? Как же она ненавидела быть настолько зависимой от этого нестабильного существа.

Прошла минута, другая, и разочарование Лорд Шилбет нарастало. Девушка могла проснуться в любой момент и её власть над девушкой была в лучшем случае слабой, что угодно могло нарушить её. И тогда девушка могла вернуться к старику, не как её рабыня, а чтобы умолять старика о помощи. Всё могло быть потеряно.

– Что ты делаешь? – крикнула она.

Лорд Шилбет не могла читать мысли шейда, как и он её, не если он не говорил с ней напрямую, но она могла чувствовать их, получить впечатление о его настроении и эмоциях, и иногда его намерениях. И она почувствовала это тогда, его горечь, его злобу.

– Огонь, Билл, – прорычала она, посылая мысль, вбивая её, чтобы быть уверенной, что он не пропустит её. – Вспомни огонь.

Она почувствовала его гнев, затем его страх. Он двинулся тогда, наконец совершив свой маленький трюк, втекая в Руби, как дым в лёгкие, ползя через неё, устраиваясь глубоко внутри.

– Да… да, Билл, – сказала она, затаив дыхание. – Ты сделал это! – Она засмеялась. – Она наша.

Барабаны остановились, и черви прекратили пение, эхо их

песни умирало, когда лорд без сил рухнула на землю.

– Теперь, убей его, – крикнула она. – Убей старика… чтобы мы оба могли вернуться домой.

Это я, Ричард .

Я смотрел, как Элис, моя дочь на ту ночь, опускается под грязную воду, старался не смотреть на её лицо, слишком болезненное в утреннем свете.

Солнце восходило, зажигая свечением болотный туман. Я никогда не любил закаты и восходы, но, чёрт возьми, как же красиво было в то утро. Я стоял там, греясь в золотом свете, вдыхая тепло, чувствуя себя так, словно светился сам. Всё всегда казалось магическим после содеянного, как будто мои чувства пробудились, как будто я мог снова чувствовать, по-настоящему чувствовать. И чёрт, какая же насыщенная была та ночь. Я закрыл глаза, переживая всё это заново, ужас, отвращение, слёзы. Господи, как я плакал по ней. Я глубоко вдохнул, сладкий запах плафф-грязи наполнил мою голову, утренние песни птиц коснулись моего сердца.

– Живой… такой живой.

Если бы только это чувство длилось.

Но оно никогда не длилось.

Сияние оставалось со мной около месяца, может, двух, если повезёт. Затем эта тяжесть, это ужасное мёртвое чувство, начинало закрадываться обратно в мою грудь.

Я нашёл большой камень и положил его на неё сверху, чтобы притопить её, по крайней мере, на то время, пока аллигаторы и черепахи сделают своё дело. Я не слишком беспокоился об этом, потому что, как я сказал, мне везло. Я бы, наверное, даже сказал, что Бог был на моей стороне, если бы верил в такую чушь. Жаль, что я не верил, так как вера, возможно, спасла бы меня, спасла бы тех женщин – либо моя любовь к Богу, либо мой страх перед старым ублюдком. Самое сложное в том, чтобы быть атеистом , это знать, что нет ничего после. Это всё. Если моя жизнь здесь дерьмова, то нечего больше ждать. Ничего. Хорошая часть заключалась в том, что ничто из того, что я делал, не имело значения. Я был пятнышком грязи во вселенной, которой плевать. Убийство одной души, или тысячи, даже миллиона, не имело значения. Ничто не имело значения, кроме того, как я себя чувствовал. Моя реальность была единственной реальностью. Так что, я собираюсь поблагодарить Всевышнего за то, что я был набожным атеистом, иначе я не думаю, что смог бы сделать что-либо из этого.

Я бросил последний взгляд на призрачную форму Элис, плавающую глубоко в той мутной воде, и вздрогнул. *Такое одинокое место, чтобы закончить* , – подумал я, сдерживая свежие слёзы.

Я вздохнул и направился к своему фургону, забрался за руль и поехал прочь. Я подпрыгивал, пока не доехал до небольшого деревянного моста, затем опустил окно и выбро-

сил свои инструменты в грязный ручей внизу. Я куплю новые, со временем, я всегда это делаю. Это было частью волнения, размышлять, как я буду использовать каждый предмет, когда выбираю их.

Я вытащил потрёпанную дорожную карту, пытаясь решить, куда я хочу поехать. Я мог поехать куда угодно. Почему бы и нет? Я был на пенсии – рано ушёл в пятьдесят один год . И нет, это не потому, что я заработал столько денег как фотограф, что они лезли из ушей. Печальная правда в том, что если бы не доход моей жены от преподавания, мы бы оказались на улице. Причина, по которой я смог покончить с коммерческой фотографией, перестать иметь дело с идиотскими арт-директорами, была в куче денег, которые унаследовала моя жена. Как это жалко, а? Выйти на пенсию на деньги моей жены. Как это умаляет мужественность . Эти деньги пришли, и мы покончили с этим; я почти чувствовал, что ворую у неё. В некотором смысле, я полагаю, так и было. Но она не подняла особого шума. Думаю, к тому времени ей стоило того, чтобы избавиться от меня, этого груза на шее. Я бы, конечно, заплатил целое состояние, чтобы избавиться от себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.